

Надежда ПТУШКИНА

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА

Инсценировка по одноименному роману

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРКА

Внимание: любое (коммерческое, благотворительное, профессиональное, любительское) публичное исполнение пьесы возможно исключительно с **разрешения автора**. Для исполнения пьесы, будь то в России или за рубежом, необходимо получить разрешение заранее, обратившись **лично к автору** по адресу ptushkina@mail.ru.

Автор **не разрешает** вносить какие-либо изменения в текст, сокращать или менять местами сцены, менять имена или возраст героев, а также переименовывать пьесу. Нарушение авторских прав преследуется по закону Российской Федерации и по нормам международного законодательства.

Надежда Птушкина готова безвозмездно разместить вашу информацию (в том числе рекламного характера), фотографии, видеоматериалы на своем сайте <http://ptushkina.com> о спектаклях (в любой точке мира), фильмах и радиопередачах по ее пьесам.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

РАВИК
БОРИС МОРОЗОВ
ЖОАН МАДУ
КЭТ ХЭГСТРЕМ
ХААКЕ
ДОКТОР ВЕБЕР
СЕСТРА ЭЖЕНИ
ХОЗЯИН ОТЕЛЯ «ВЕРДЕН»
КЕЛЬНЕР РЕСТОРАНА «БЕЛЬ-ОРОР»
ЦЫГАН – СКРИПАЧ В РЕСТОРАНЕ «ШЕХЕРЕЗАДА»
МУЖЧИНА

Роли Хозяина отеля «Верден», Цыгана-скрипача в ресторане «Шехерезада» и Хааке возможны в исполнении одного артиста.

Роли Кельнера ресторана «Бель-Орор» и Мужчины также могут исполняться одним артистом.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Авансцена. Постель. Крупный план. Дневной свет. Доносится шум автомобилей. В постели сидят Равик и Маду. Сидят прямо. Одетые. Более того, на Маду – чёрное пальто. Не застёгнутое. Виден синий жакет от английского костюма.

На ногах у них – плед.

Между ними поднос. На подносе – завтрак на двоих.

Равик с аппетитом ест.

Маду не ест.

Равик. Вот кофе.

Маду смотрит на поднос.

Равик. Вот бриоши.

Маду. Я ничего не могу есть.

Равик. Вам только так кажется. Попробуйте!

Маду берёт бриошь, держит в руке и кладёт обратно.

Маду. Не могу. Дайте сигарету!

Равик. (находит пачку) Алжирские. Чёрный табак. Курят солдаты иностранного легиона. Пожалуй, для вас слишком крепок. Других нет.

Маду берёт сигарету. Равик подносит спичку и снова принимается за еду.

Маду курит и смотрит прямо перед собой, в никуда.

Равик. Чтобы с вами не случилось, не принимайте близко к сердцу. Немного на свете долго бывает важным.

Маду. Незачем меня утешать!

Равик. Тем лучше.

Телефонный звонок.

Равик вскакивает. Он в пиджаке, но без брюк.

Равик. (в трубку) Что? Кто? Кэт Хэгстрем? В Париже? Хорошо. Сейчас же еду! Что? Горячего кофе! И покрепче! (бросает трубку) Черт! (быстро натягивает брюки) Черт! (Маду) Вам куда?

Маду. (гасит сигарету) Куда?

Равик. (поспешно приводит себя в порядок) Домой?

Маду. (встаёт) Домой? (замечает, что на ней нет юбки, и оглядывается в поисках)

Равик. Домой, к себе на квартиру, в отель, куда угодно! (кидает ей юбку)

Маду. В Отель? О, Боже! Туда я пойти не могу. Только не туда!

Равик. Нет денег? (достаёт портмоне)

Маду. (резко) Есть!

Равик. (имеет в виду деньги) Всё-таки, может быть?..

Маду. (оскорблено) Я же сказала, деньги есть!

Равик. Так пойдите в любой отель! Их тут много.

Маду. Можно мне пойти с вами?

Равик. Нет, нельзя.

Маду. Оставили бы меня на улице! Зачем вы меня подобрали? Теперь ещё хуже... Теперь я вообще не могу...

Равик. Понимаю.

Маду. Можно мне ещё немного побыть здесь?

Равик. Оставайтесь. Я вернусь только к ночи. Когда уйдёте, оставьте ключ у портье.

Маду. (юбка всё ещё у неё в руках) Спасибо. Кто эта Кэт Хэгстрем?

Равик не отвечает. Он стремительно покидает Маду, скидывает руку.

Равик. Такси!

2. Кэт Хэгстрем. В больничном халате.

На белом постаменте. В центре, на среднем плане. Постамент стоит вертикально. Под наклоном от зрителя 110-120 градусов. По мере необходимости, с помощью педали, угол наклона можно менять.

Возле постамента Вебер и Эжени в зелёных халатах.

Подходит Равик, на ходу сбрасывая пальто.

Эжени подаёт ему полотенце.

Равик вытирает руки, волосы, лицо.

Равик. Привет, Кэт!

Кэт. (протягивает ему руку) Привет!

Она тянется к Равику, обнимает его, и они трижды, по-французски целуются. Она трепет его по волосам. Смотрит в лицо.

Кэт. Дождь. Выезжала из Вены, дождь. Проснулась в Цюрихе, дождь. И здесь дождь. Не знаю, что со мной творится.

Равик. Только что развелась. Должна быть счастлива!

Кэт. Развелась. Очаровательный бездельник, за которого я вышла замуж два года назад, превратился в наглого штурмфюрера.

Равик. Вот и радуйся, что избавилась от него!

Кэт. Он требовал двести пятьдесят тысяч шиллингов за развод.

Эжени подаёт Равику кофе.

Эжени. Ваш кофе!

Равик. Спасибо, Эжени! (пьёт кофе) Дешево. Всё, что можно уладить с помощью денег, обходится дешево.

Кэт. Он ничего не получил. Я высказала ему всё, что думаю о нём, о его партии, о фюрере и предупредила, что теперь повсюду буду говорить это открыто. Он пригрозил мне гестапо и концентрационным лагерем. Я высмеяла его и сказала, что ему тоже не поздоровится. Ведь он на мне женат. Об этом он не подумал. А тут испугался и перестал чинить мне препятствия. (другим тоном) Мне страшно, Равик.

Равик. (тоже меняет тон) Послушайте, Кэт. Это менее опасно, чем операция аппендицита, которую я делал вам два года назад. (допивает кофе и отдаёт чашку Эжени)

Кэт. И всё же на этот раз мне страшно.

Равик. Но вы уверены, что хотите этого?

Кэт. (её передёргивает) Ребёнок от нациста? Нет. К тому же мне нельзя рожать... Я принимала... я пыталась самостоятельно избавиться от ребёнка... У меня было кровотечение...

Равик. (меняет тему) Вы были первым человеком, которого я оперировал в Париже. Вы мой талисман, Кэт! И впредь вы должны быть моим талисманом.

Эжени надевает на него зелёный халат.

Кэт. Я купила вечернее платье у Мэнбоши. После операции приглашаю вас в «Шехерезаду»! Борис ещё работает там?

Равик. Конечно!

Эжени надевает на него резиновый фартук.

Равик. Принято! До встречи в «Шехерезаде», Кэт!

Эжени помогает натянуть ему резиновые перчатки.

Равик. Эжени! Наркоз!

Эжени надевает на Кэт маску. Закрывает простынями так, что остаётся только узкая полоска тела. Эту полоску Эжени смазывает йодом.

Равик. Зеркало!

Осматривает Кэт.

Равик. Исследование зеркалом ничего не даёт. (прощупывает руками) В области таза ощущается небольшое размягчение на одной стороне.

Вебер записывает.

Равик. Небольшой инфильтрат. Может быть, киста.

Вебер. (прощупывает) Или миома. Ничего серьёзного!

Равик. Но идти снизу нельзя. Без вскрытия брюшной полости не обойтись!

Вебер. Что вы намерены делать?

Равик. Необходимо расширить масштаб операции. Пульс?

Эжени. Ровный. Девяносто.

Равик. Кровяное давление?

Эжени. Сто двадцать.

Равик. Хорошо. Получается совсем другая операция. Надо бы её предупредить. Как вы считаете? Но она уже под наркозом! Продолжать операцию, Вебер?

Эжени. По закону нельзя!

Вебер. Но мы уже начали, Эжени! Продолжим! Кэт полностью доверяет вам, Равик!

Равик. Может быть. Продолжим! Эжени! Нож!

Делает разрез. Эжени промокает ватными тампонами и кидает красные ватные шарики в ведро.

Равик. Зажимы!

Эжени подаёт.

Равик. Расширитель!

Эжени подаёт.

Равик. Салфетки.

Эжени прокладывает брюшную полость салфетками. Пропитанные кровью, бросает прямо на пол.

Равик. Посмотрите, Вебер!

Вебер откладывает записи и подходит.

Равик. Вы видите, Вебер?

Вебер склоняется над Кэт.

Равик. Здесь, здесь и здесь...

Вебер. Да.

Равик. Посмотрите-ка сюда! И сюда! Масса плотная, затвердевшая. Здесь уже ничего не поделаешь.

Вебер. Да. Слишком далеко зашло.

Равик. Рак. Метастазы повсюду. Пульс?

Эжени. Девяносто пять.

Равик. Кровяное давление?

Эжени. Сто пятнадцать!

Равик. Зашить! Зашить и ничего ей не говорить! (зашивает) Платье от Мэнбоши... Платье от Мэнбоши... Платье от Мэнбоши... Дерьмо! Гнусное дерьмо! Проклятое дерьмо! Всюду дерьмо! Готово!

Эжени в упор смотрит на Равика.

Вебер. Спокойно, Эжени! Все хирурги ругаются! (Равику) Вы работали великолепно. И вы здесь не при чём.

Равик. (стягивает перчатки, бросает их на пол и закуривает) Ей тридцать четыре года.

Эжени. Я не могу сейчас открыть окно. Здесь больная.

Вебер. Браво, Эжени! Вы всё всегда делаете по инструкции!

Эжени. Но здесь спирт и эфир! Я не желаю взлететь на воздух!

Вебер. (Равику) Странно, что вы до сих пор расстраиваетесь. Ведь вы режете уже пятнадцать лет! Осторожно с сигаретой! Обожжёте себе губу!

Равик. (гасит окурок) Простите за ругань, Эжени!

Эжени. Доктор Вебер не станет ругаться ни при каких обстоятельствах! А мсье Равик...

Вебер. (перебивает) Доктор Равик, Эжени! В Германии он был главным хирургом крупной больницы.

Эжени. Здесь...

Вебер. (перебивает) Знаю, знаю, во Франции не признают иностранных дипломов! Это идиотизм! Дерьмо! Полное дерьмо!

Эжени. Доктор Вебер!

Равик. У меня небогатый выбор, сестра Эжени. Либо нелегальное положение во Франции, но возможность оперировать, либо легальное положение в Германии, но в концлагере. (сбрасывает фартук и халат) Кто же ей скажет, Вебер?

Вебер. Вы!

Равик. А что я ей скажу?

Вебер. Киста или миома. У вас есть время до утра.

Равик. Киста или миома. Дерьмо!

3. Равик входит в свой номер. Темно. Он кидает на постель свёрнутые газеты. Маду вскрикивает.

Равик. Спокойно. Не бойтесь. Это я. Тот, кто привёл вас сюда ещё сутки назад. Я не думал, что вы до сих пор здесь. (включает свет)

Маду сидит на краю постели в пальто (и в юбке), и смотрит на Равика.

Равик. (садится на другой край постели и стягивает ботинки) Почему вы устали на меня, как на привидение?

Маду. Запах.

Равик. Запах?

Маду. Тот же запах! (охватывает голову руками и стонет)

Равик. Запах? Сигареты? Но вы и сами курите. Водка? Водка не пахнет. Коньяк тоже. Кофе? Вишнёвая настойка? Бренди? Перно? Кальвадос? Джин? Виски?

Маду отрицательно качает головой.

Равик. (догадывается) Эфир?

Маду кивает.

Равик. Вас когда-нибудь оперировали?

Маду. Нет, но...

Равик. (не слушая её) Я открою окно.

Маду. Нет! Дайте сигарету!

Равик даёт ей сигарету и чиркает спичкой. Маду курит. Равик растирает уставшие ноги.

Маду. (гасит сигарету) Думаю, мне пора уходить.

Равик. Где вы живёте?

Маду. В отеле «Верден».

Равик. В двух шагах отсюда.

Маду встаёт, застёгивает пальто, оглядывается в поисках берета, находит. Но не уходит, а стоит, смотрит на Равика и тербит берет.

Равик. Вас проводить?

Маду. Не надо. Скажите только... (запинается) Может быть, вы знаете, как поступить, когда... (Замолкает)

Равик. Когда что?

Маду. (у неё это вырывается) Когда у вас кто-то умер?

Тишина.

Маду закрывает беретом лицо и плачет. Беззвучно.

Равик. Вы кого-нибудь убили?

Маду отнимает берет от лица и смотрит на Равика.

Тишина.

Маду. (вскрикивает) Он умер! Внезапно!

Равик. Умерший был вашим мужем?

Маду. Нет.

Равик. (снова надевает ботинки) Пойдёмте!

4. На постаменте – мертвец.

Одет в пижаму из блестящего красного шёлка.

Похож на клоуна.

Тишина. Возможно тиканье часов.

Равик и Маду стоят и смотрят на мертвеца.

Равик. Вы жили с ним?

Маду не отвечает.

Равик. Долго?

Маду. Два года.

Равик. (осматривается) У вас нет чемоданов?

Маду. Есть. (осматривается) Они были здесь. Вон там, у стены. Ещё вчера вечером стояли.

Равик. (отходит от неё и кричит) Хозяин!

Хозяин. (подходит с листком в руке) Мсье! Кто вы такой? Что вам нужно?

Равик. Где чемоданы?

Хозяин. Сперва, счёт. Вот он. (протягивает Маду листок).

Маду не берёт.

Равик. Сперва, чемоданы.

Хозяин. Сперва, надо оплатить счёт.

Равик. Давайте счёт и принесите чемоданы.

Хозяин молчит и смотрит на Равика.

Равик. Вы получите свои деньги!

Хозяин уходит.

Равик. В чемоданах есть деньги?

Маду. Деньги? Не знаю.

Равик. Где деньги? В костюме? Или их вообще не было?

Маду. В бумажнике.

Равик. Где бумажник?

Маду. Он под... (набирается мужества) Обычно он лежал у него под подушкой.

Равик приподымает подушку вместе с головой покойника, извлекает бумажник и подаёт Маду.

Равик. Возьмите деньги и всё, что для вас важно. Быстро! Сейчас не время для сантиментов! (отворачивается от Маду)

Маду поспешно вынимает из бумажника деньги. Стоит с бумажником и большой пачкой денег в руке.

Равик. (поворачивается к ней) Теперь отдайте мне бумажник. (снова суёт его под подушку) Спрячьте деньги в сумку!

Маду выполняет.

Равик. (рассматривает счёт) Вы уже платили за номер?

Маду. Не знаю. По-моему, да.

Равик. Счета оплачивались всегда в срок?

Маду. Да. Всегда. Он говорил, что в его положении надо за всё платить аккуратно.

Равик. Где последний счёт?

Хозяин приносит два чемодана.

Равик. (Маду) Всё тут?

Маду. Да.

Хозяин. Разумеется, всё. А что вы думали?

Равик. (берёт маленький чемодан) Есть у вас ключ к нему?

Маду. Нет.

Равик. Где могут быть ключи?

Маду. В костюме.

Равик. (Хозяину) Где костюм?

Хозяин. (ему неловко) Костюм я вынес.

Равик. Зачем?

Хозяин. Почистить, погладить...

Равик. Пожалуй, покойнику это уже не к чему.

Хозяин уходит.

Равик в ожидании закуривает. Смотрит на Маду. Передаёт ей сигарету. Маду затягивается. Смотрит на покойника и возвращает сигарету Равику. Равик смотрит на покойника и гасит сигарету.

Равик. Возможно, сейчас вы находите всё это отвратительным...

Маду. (перебивает) Не вижу в этом ничего отвратительного! Но сама этим заниматься не смогла бы.

Возвращается хозяин с чёрным костюмом.

Равик достаёт из кармана брюк ключи и открывает чемоданы. Достаёт парусиновый портфель, показывает Маду.

Равик. Здесь?

Маду кивает. Равик копается в портфеле и находит счёт. Показывает Хозяину.

Равик. Счёт оплачен.

Хозяин. (огрызается) Вот как? А неприятности? А труп в отеле? А что у меня опять желчь разыгралась? За всё это платить не надо? А постель? А дезинфекция номера?

Равик. Постельное бельё указано в счёте. Кроме того, вы посчитали двадцать пять франков за ужин, который он якобы съел вчера вечером. (Маду) Вы ели что-нибудь вчера?

Маду. Нет. Но, может быть, лучше просто уплатить? Я... Мне хотелось бы покончить со всем этим.

Равик достаёт ручку и пишет на счёте. Показывает Хозяину.

Равик. Согласны?

Хозяин. (смотрит) Вы что сумасшедшим меня считаете?

Равик. (невозмутимо) Согласны?

Хозяин. Кто вы такой? Чего вы суётесь?

Равик. (спокойно) Согласны?

Хозяин. Накиньте десять процентов за обслуживание и налоги! Иначе не соглашусь.

Равик. Хорошо. (Маду) Вам следует оплатить двести девяноста два франка.

Маду вынимает из сумочки три кредитки и протягивает Хозяину.

Тот берёт их и уходит.

Равик. (вслед ему) Восемь франков сдачи!

Хозяин. А портье?

Равик. Чаевые мы сами заплатим.

Хозяин отсчитывает восемь франков и кладёт.

Хозяин. (уже уйдя от них) Грязные иностранцы!

Равик мгновенно догоняет его и кладёт руку ему на плечо.

Хозяин сбрасывает его руку и занимает оборонительную позицию.

Равик. (спокойно) Принесите два кальвадоса. Двойных.

Хозяин. Сюда?

Равик. И пачку сигарет «Честерфильд».

Хозяин. Есть только французские.

Равик. Тогда «Лоран». Зелёные.

Хозяин. Зелёных нет. Синие.

Равик. Значит, синие.

Хозяин уходит. Равик возвращается к Маду.

Равик. Будете пить?

Маду. Мне всё равно.

Хозяин приносит рюмки и бутылку. Ставит на помост, в ногах покойника. Кладёт сигареты.

Хозяин. Всё-таки, нашлась одна пачка зелёных.

Равик. Так я и думал.

Хозяин. Зажечь свет?

Равик. Не надо.

Хозяин собирается налить им.

Равик. Можете оставить нам всю бутылку!

Хозяин уходит. Равик наполняет рюмки.

Равик. Вот, выпейте. Ночью кальвадос – самое подходящее. Выпейте залпом!

Маду выпивает.

Равик. Вам что-то надо из чемоданов? Посмотрите!

Маду. Нет. Ничего не надо!

Равик осматривает содержимое чемоданов. Выкладывает: бутылки, бельё, записные книжки, акварельные краски, кисточки, книги...

Равик. Вот сто долларов. Возьмите!

Маду. Спасибо.

Равик. (наполняет рюмки) Выпейте ещё!

Теперь Маду пьёт кальвадос медленно.

Равик. Вам лучше?

Маду. Мне не лучше и не хуже. Мне никак.

Равик достаёт из чемодана и протягивает ей деревянную фигурку Мадонны.

Равик. Мадонна. Очень красивая вещь. Вы не оставите её себе?

Маду. Нет.

Равик. Вы покинете этот отель? Не так ли?

Маду. Да.

Равик. У вас есть в Париже знакомые?

Маду. Нет.

Равик. Вы знаете, какой-нибудь отель, куда хотели бы переехать?

Маду. Нет.

Равик. Неподдалёку есть небольшой отель «Милан». Там вы могли бы прилично устроиться.

Маду. А нельзя ли мне жить в том отеле, где... в вашем отеле?

Равик. Нет. Мой отель – не самый подходящий отель для женщин. Всё-таки, возьмите Мадонну. Это по-настоящему красивая вещь!

Маду берёт.

Маду. Наверное, вы правы.

4. Постамент.

Равик и Борис. Борис в расшитой золотом ливрее.

Борис. Что стряслось?

Равик. (сильно взволнован) Я сидел в бистро на улице Буксьер и смотрел в окно. Его я заметил внезапно. Это было, словно удар кулаком под дых. Сначала я даже не понял, что произошло. Только шок. Но уже через секунду бросился к выходу. Но меня схватил за руку кельнер. Я сунул ему кредитку и выскочил. Только что закончился сеанс в кино, и на улице была толпа. Я пытался бежать. Мне вслед ругались. Нельзя было привлекать к себе внимание. И я пошёл шагом. Я всматривался в лицо каждого мужчины. Заглядывал под шляпы. Они возмущались. Я добежал до перекрёстка. Вернулся. Осмотрел машины на стоянке. Спустился в метро. Поезд только что отошёл, и платформа была пуста.

Борис. Возможно, ты ошибся.

Равик. (думает) Моросил дождь. Оконное стекло было залито дождём.

Борис. Он в Германии, в Берлине.

Равик. Я ошибся. Невозможно, чтобы Хааке был в Париже.

Борис. Бессмысленно изводить себя, раз ничего нельзя сделать.

Равик. Моё время придёт, когда там всё рухнет, а пока... (задумывается)

Борис. Ты думаешь, это он?

Равик. Очень похож.

Борис. Жаль, что ты сидел в бистро.

Равик. Жаль!

Борис. (задумчиво) Призраки...

Равик. От них не избавится.

Борис. Жду вот уже больше двадцати лет. С 1917. Их было семеро. Четверых уже нет в живых. Двое из них расстреляны своими же. Одному из троих, пока живых, уже под семьдесят. Двум другим между сорока и пятьюдесятью. Надеюсь, с ними я ещё сведу счёты. (молчит) За отца!

Равик. Ты доберёшься до них.

Борис. Мне уже за шестьдесят.

Равик. Непохоже. Ты великан и очень сильный.

Борис. Ждать ещё, возможно, долго. Но я живу осмотрительно. Берегу себя. Пью не так уж часто. Мне надо быть сильным. Ведь я не стану ни стрелять, ни колоть.

Равик. И я тоже не стану ни стрелять, ни колоть. И я тоже живу осторожно.

Борис. Шахматы? (ставит на постамент шахматную доску) Отвлекают.

Равик. Да. Покуда, играешь.

Борис. (расставляет фигуры) Чуть не забыл. (протягивает пакет) Велели передать тебе.

Равик. Мне? Мне не от кого получать пакеты! Кто принёс?

Борис. Коридорный сказал, какая-то женщина... или дама... что-то среднее...

Равик. Остроумно. Здесь нет фамилии. Она сказала, что это для меня?

Борис. Она сказала коридорному, что ты её знаешь.

Равик. Знаю? Вряд ли.

Борис. Коридорный видел её здесь на днях с тобой. Ночью.

Равик. Иногда по ночам у меня бывают женщины.

Борис. Вскрой пакет, Равик! Даже, если он и не для тебя. В нашей жизни мы делали вещи и похуже!

Равик смеётся и вскрывает пакет. Достает деревянную Мадонну.

Борис. Деревянная Мадонна. Красивая вещица!

Равик. Ладно. Всё в порядке. (ставит Мадонну среди шахматных фигур)

Борис. Ты всё ещё не догадываешься, от кого?

Равик переставляет Мадонну на пол.

Оба склоняются над доской.

Борис. Добрый старый ферзевый гамбит.

Равик делает ход.

Борис делает ход.

Равик делает ход.

Борис делает ход.

Темп игры очень быстрый.

И нарастает.

Равик делает ход.

Борис делает ход.

Борис. Дебют разыграли. (задумчиво) И что теперь? Есть тут вариант Алёхина... Не хочешь рассказать о ней?

Равик. Неинтересно. Блеклая, стёртая непривлекательная особа... Как-то ночью, возле Триумфальной арки случайно встретил её и спас от самоубийства.(делает ход)

Борис. Ночью, у Триумфальной арки спас кого-то от смерти... Действительно, скукота. А с чего ты взял, что она собиралась покончить с собой? (делает ход)

Равик. Почувствовал. (хочет сделать ход, но передумывает, смотрит на доску) Она шла наискосок через мост прямо на меня. Не пьяная. И не проститутка. Ночь. Ноябрь. Собачий холод. Дождь. (делает ход)

Борис. (быстро делает ход) А тебя-то чего понесло ночью к Триумфальной арке?

Равик. (делает ход) Весь день напролёт работал. Не мог уснуть. Захотелось выпить. А вышел, - страшно захотелось спать. Плохо соображал, и, наверное, поэтому остановил её.

Борис. (делает ход) Просто ты увидел, что с ней что-то стряслось.

Равик. Я каждую ночь встречаю женщин, с которыми что-то стряслось. Особенно часто в Париже.

Борис. (делает ход) Возможно, ты понял, что ей некуда идти?

Равик. (берёт фигуру) Ночью им некуда идти, а утром они исчезают прежде, чем ты проснулся. По утрам они почему-то знают, куда им идти. (делает ход)

Борис. (делает ход, глядя не на доску, а на Равика) Возможно, она была в отчаянье?

Равик. (снова берёт фигуру) Дешёвое отчаянье! Отчаянье ночной темноты! (делает ход) Я сыт всем этим по горло.

Борис. Значит, ты быстро от неё отделался?

Равик. Да нет, не быстро. Сначала пришлось повести её в кабачок. Угостил кальвадосом. Немного поговорили... Ни о чём...Она мне всё больше не нравилась. Знаешь, из тех, которым стоит где-нибудь пристроиться и слегка захмелеть, как сразу же переходят на категорический тон.

Борис. (делает ход) И что из всего этого получилось?

Равик. (берёт фигуру) Привёл сюда. (делает ход) Хотел раздобыть ей номер, но свободных не оказалось. И она попросилась остаться у меня.

Борис. (берёт фигуру) И сразу дала?

Равик не отвечает.

Борис. (делает ход) Французенка?

Равик. (смотрит на доску, рассеянно) Эмигрантка. (делает ход)

Борис. (берёт фигуру) И сразу дала... (делает ход) Наверное, русская.

Равик. (делает ход) Не знаю.

Борис. Деньги взяла?

Равик. Нет.

Борис. Похоже, русская.

Равик. Не знаю.

Борис. Ушла до того, как ты проснулся?

Равик. Нет. Пришлось вместе завтракать.

Борис. И как её зовут?

Равик. Не спросил.

Борис. (делает ход) Тебе – мат! И ты не знаешь, где она теперь?

Равик. Возможно, в отеле «Милан».

Борис. Ты хоть раз справился о ней?

Равик. Я не благотворительное общество, Борис!

Борис. Мадонна – это не благодарность. Это крик о помощи.

Равик. Она привела меня к покойнику. А до этого я переспал с ней. Я не знал о покойнике. Я хочу обо всём этом забыть. Я не прочь отыграться.

Борис. В другой раз. Мне пора в «Шехерезаду»! Я тебе вот что скажу, Равик. Будем, подбрее, если только можем, и пока можем. Ведь нам в жизни ещё предстоит совершить несколько так называемых преступлений.

Равик. Верно. Предстоит. Надеюсь, совершу.

Борис. Доброта придаёт человеку силы, если ему трудно живётся.

Равик. Ладно. (берёт в руки Мадонну и рассматривает) Завтра зайду к ней.

Борис. Вот и прекрасно! Этого-то мне и хотелось.

5. Номер Маду.

Кровать. Шезлонг. Стул. Столик. Те же два чемодана.

Маду сидит на краю кровати в том же самом синем английском костюме.

Равик стоит.

Они смотрят друг на друга и молчат.

Равик. Надеюсь, не помешал?

Маду не отвечает.

Равик. Я ненадолго.

Маду не отвечает.

Равик. (кладёт шляпу на стул.) Вам всё удалось уладить?

Маду. Да.

Равик. Вы собирались куда-то пойти?

Маду. Нет.

Равик. У вас нет знакомых в Париже?

Маду. Только вы. (невесело улыбается) Не так уж много, правда?

Равик. Да, немного. Вы ужинали?

Маду. Я не голодна.

Равик. Вы сегодня хоть что-то ели?

Маду. Да. Днём.

Равик. Поужинаем вместе?

Маду сразу же встаёт и берёт пальто.

Равик. На улице холодно.

Маду. У меня есть свитер. (достаёт из чемодана чёрный свитер, поддевает под жакет, потом надевает пальто) Так лучше?

Равик. Намного.

6. Ресторан «Бель-орор» Столик на двоих. Клетчатая скатерть.

Равик. Маду. Кельнер.

Равик. (кельнеру) Две рюмки водки. Похолоднее. (Маду) Мы немного выпьем и приналяжем на закуски. Думаю, для вас это будет лучше всего.

Кельнер приносит водку и достаёт блокнот.

Равик. Графин розового вина. Есть у вас Анжу?

Кельнер. Анжу. Разливное розовое. Слушаюсь, мсье.

Равик. Большой графин на льду. И закуски.

Кельнер уходит.

Равик. Давайте выпьем до дна. Салют!

Маду. Салют!

Кельнер доставляет к столу тележку с маленькими закусками.

Равик. (смотрит на Маду) Что будете есть? «Бель – орор» славится водкой и закусками. Самое простое – взять всего понемногу. (наполняет её тарелку) Не беда, если не понравится. Прикатят другие тележки. Это только начало. (набирает закусок себе)

Кельнер увозит тележку.

Равик с аппетитом ест.

Маду не ест.

Равик. Попробуйте! (протягивает ей) Немного паштета. С корочкой белого хлеба.

Маду не решается отказать ему и съедает. Равик смотрит на неё.

Равик. Вот видите, как хорошо. Ещё немного вина. Лёгкого терпкого и холодного.

Маду. Я доставляю вам слишком много беспокойства.

Равик. Не люблю, есть один. Вот и всё.

Маду. Я плохой партнёр.

Равик. За столом вы партнёр первоклассный. Не выношу болтливых людей.

Снова подходит кельнер с тележкой.

Равик. А вот и ещё одна тележка с провиантом. Продолжим программу или вы сперва покурите?

Маду. Сперва покурю.

Равик кивком отпускает кельнера. Маду достаёт сигарету. Равик подносит огонь. Маду откидывается и затягивается.

Маду. Хорошо сидеть вот так. (в голосе сдерживаемое рыдание).

7. Тот же вечер. Другой ресторан.
Совсем крошечный столик. Две чашки кофе.
Возле стеклянной панели, за которой плавают экзотические рыбы.
Равик. Маду.

Маду. (продолжает разговор) Я не Бог весть, какая актриса. В последнее время вообще не играла. К тому же, я плохо говорю по-французски.

Равик. А какой язык ваш родной?

Маду. Я выросла в Италии. Говорю ещё по-английски и по-румынски. Мать англичанка. Отец румын. Я не знаю, где они сейчас. Вам скучно?

Равик. А, кроме этого, вы чем-нибудь ещё занимались?

Маду. Немного пела, немного танцевала.

Равик. Вы пели и танцевали?

Маду. Вы мне не верите?

Равик. Петь и танцевать вы могли бы и здесь. Для этого не надо в совершенстве знать французский.

Маду. Да. Но сперва надо найти какое-то место.

Равик. (его осенило) Морозов! Борис Морозов! Это через него вы передали мне Мадонну. Вы говорите по-русски?

Маду. Немного. Знаю несколько песен. Цыганских. А что?

Равик. Вот адрес Морозова. (вырывает листок из блокнота и пишет) Завтра в девять. (передаёт ей). Борис – большой человек.

Маду. Антрепренер?

Равик. Берите выше! Борис – швейцар в «Шехерезаде». А теперь прочь из этого аквариума! Вы достаточно выпили?

Маду. Мне казалось, что достаточно. Но при мысли, что надо одной идти в отель, то ... недостаточно.

Равик. Я провожу вас. И мы прихватим с собой бутылку.

8. Снова отель «Милан».

Пальто и берет Маду брошены на кровать.

Маду ходит по комнате взад и вперёд, заложив руки в карманы жакета.

Равик сидит в шезлонге и пьёт.

Маду. Каждую ночь я ходила по улицам. Когда ходишь, всё вроде бы легче. Но, когда сидишь, и потолок падает тебе на голову.... Вы не слушаете меня?

Равик. Я пью. Говорите всё, что хотите. Сейчас ночь. Никто вас не слушает. Я слушаю самого себя. Утром всё позабудется.

Маду. Когда возвращаешься и гасишь свет, и темнота оглушает тебя, словно хлороформ... Тогда, снова включаешь свет и смотришь, смотришь в одну точку... Вы меня понимаете?

Равик. Конечно. Одиночество – извечный рефрен жизни. Оно не хуже и не лучше, чем многое другое. О нём лишь чересчур много говорят. Человек одинок всегда и никогда.

Внезапно вдали зазвучала скрипка.

Молчание.

Маду. Спасибо.

Равик. За что?

Маду. За то, что дали выговориться, не слушая меня.

Равик. (встаёт) Хорошо. Бутылку я вам оставляю.

Маду. Вы хотите идти? (хватает пальто и берет)

Равик. Можете меня не провожать.

Маду. Не буду. Но и здесь оставаться не хочу. Поброжу одна. Немного.

Равик. Всё равно придётся вернуться. И опять будет то же самое. Не лучше ли остаться? Всё самое трудное позади.

Маду. Когда я вернусь, будет уже утро, и жизнь станет проще.

Равик. (забирает у неё берет и плащ) Вот что. Выпьем ещё по рюмке, и ложитесь спать.

Маду. (придвигается к нему вплотную) Не оставляй меня здесь! (говорит очень быстро) Только не сегодня! Только не сегодня. Я не знаю, что со мной такое, но только не сегодня. Завтра наберусь мужества, но только не сегодня! Я измучена, надломлена, разбита и теряю последние силы... Не надо было уводить меня отсюда, сегодня, именно сегодня... Теперь я не вынесу одиночества.

Равик. (осторожно отстраняется) Дитя! Рано или поздно, но мы все должны привыкнуть к этому. (думает) Мне всё равно, где спать. Могу прилечь и здесь. Всего несколько часов. Какая разница. Вы понимаете меня?

Равик наливает полный стакан коньяку и ставит возле её кровати. Устраивается в шезлонге.

Равик. Мне не придётся вставать и наливать вам снова и снова. Бутылку я забираю себе. (наливает себе в стакан.) Салют!

Маду. Салют!

Они выпивают. Маду даёт ему плед.

Равик. Спасибо. (укутывается)

Маду. Благодарю вас.

Равик. Всё в порядке. Меня и так не очень-то тянуло под дождь. В такую ночь хорошо пить.

Маду. Да. И плохо быть одному. (ложится на постель).

Равик. Зачем оставаться в Париже, если у вас тут никого нет?

Маду. Не знаю. А куда мне деваться?

Равик. Вам некуда вернуться?

Маду. Нет. Возврата нет ни для кого. Никуда.

Равик. С чего вы так отчаиваетесь?

Маду. Потому что он умер! Умер! Был, - и вдруг не стало. Не вернуть! Никогда! Умер! Уже никогда ничего не сделать! Неужели вы не понимаете?

Равик. (сонно) Потому что он ушёл прежде, чем вы бросили его...

Маду. Я должна была относиться к нему иначе... Я была... я была неверна ему...

Равик. Забудьте об этом. Раскаянье – самая бесполезная вещь на свете. Вернуть ничего нельзя. Ничего нельзя исправить. Иначе все мы были бы святыми. Жизнь не имела в виду сделать нас совершенными.

Молчание.

Маду. Мы приехали в Париж, потому что хотели расстаться. Вы спите?

Равик не отвечает.

9. Ресторан «Шехерезада».

Отделан под восточный шатёр.

Диван. Круглый столик со стеклянной плитой, с подсветкой снизу.

Полумрак.

Слышно, как музыканты настраивают инструменты. Вспыхивают то квинты, то скрипичные пассажи.

Равик и Кэт сидят рядом на диване. Кэт в чёрном «маленьком» платье.

Равик. Что будете пить, Кэт?

Кэт. Водку. И пусть играют цыгане. Хватит с меня «Сказок Венского леса» в ритме военного марша. (сбрасывает туфли и забирается с ногами на диван) Меня всё ещё не покидает ощущение будто я бежала из концентрационного лагеря. Представляете себе?

Равик. (смотрит на неё) Да, в общем, представляю. (наполняет рюмки из большого графина с водкой, и одну протягивает Кэт)

Кэт залпом выпивает, ставит рюмку на стол и оглядывается.

Кэт. «Шехерезада» - затхлая дыра, здесь всё словно нафталином пересыпано. (смеётся) Но по ночам она преобразается в волшебную пещеру снов и грёз. (откидывается на спинку дивана) Равик, почему ночью всё становится красочнее? Всё кажется лёгким, доступным? А недоступное заменяешь мечтой? Почему?

Равик. (смеётся) Только мечта помогает нам примириться с действительностью.

Кэт. (грустно) Вы не похожи на человека, опьяняющего себя мечтой.

Равик. Можно опьяняться и правдой. Это ещё опаснее.

Зазвучала музыка. Пока только цимбалы.

К их столику, издали, через весь зал, неторопливо идёт цыган со скрипкой в опущенной руке.

Останавливается против них, улыбается, прижимает скрипку к подбородку.

Играет.

Кэт не отводит от него глаз, она словно растворяется в музыке.

Цыган резко заканчивает мелодию и кланяется.

Равик подаёт ему купюру.

Цыган уходит.

Кэт поворачивается к Равику и долго смотрит на него.

Кэт. Так захотелось услышать чей-то зов и откликнуться. Но никто не позвал. И нет никого, и никто не зовёт.

Равик снова наливает водки и протягивает ей рюмку.

Кэт снова залпом выпивает.

Кэт. Вы были когда-нибудь счастливы, Равик?

Равик. Был. И не один раз.

Кэт. Я не о том. Счастливы по-настоящему. Самозабвенно. До потери сознания. Всем своим существом?

Равик. Не один раз, Кэт.

Кэт. Вы не хотите меня понять. Или не хотите говорить со мной об этом. Кто там поёт под оркестр?

Оркестр играет. И женский голос поёт по-русски, хотя с акцентом «Я вас любил.»

Равик. Не знаю. Я здесь давно уже не был.

Кэт. (тянется рассмотреть) Её не видно отсюда. И среди цыган её нет. Вероятно, сидит за каким-нибудь столиком.

Равик. Возможно.

Кэт. Странный голос. Печальный и мятежный.

Равик. Это песня такая.

Кэт. Нет, это я такая.

Равик молчит.

Кэт. Вы понимаете слова?

Равик. Это романс на стихи Пушкина.

Кэт. О чём она поёт?

Равик. О том, что она любила очень сильно, и что её чувства не угасли. Но она не хочет, чтобы её любовь мешала ему. И она желает ему, чтобы другая любила бы его так же страстно и сильно.

Кэт. Вы знаете русский?

Равик. Меня понемножку обучает Морозов. В основном, ругательствам. В этом смысле русский язык просто выдающийся.

Кэт. Вы не любите говорить о себе, не правда ли?

Равик. Я даже думать не люблю о себе.

Молчание.

Теперь та же женщина запела «Санта-Лючия».

Кэт. А теперь уже не по-русски.

Равик. По-итальянски. «Санта-Лючия».

Луч прожектора скользнул по залу и остановился на лице певицы.

Это Маду. Она в чёрном длинном вечернем платье.

Она сидит за столиком, опираясь на него рукой, и задумчиво глядит перед собой, словно одна в зале.

Сейчас лицо её необычайно красиво.

Равик смотрит на неё.

Кэт смотрит на Равика.

Кэт. Что с вами, Равик?

Равик. (оборачивается к Кэт) Ничего. Знакомый напев. Душещипательный неаполитанский романс.

Кэт. (тревожно) Воспоминания?

Равик. (резко) У меня нет воспоминаний!

Кэт. (взволнованно) Иной раз мне так хочется знать, что с вами происходит, Равик?

Маду неожиданно встаёт и направляется в их сторону.

Она идёт, не глядя на них и продолжая петь.

Она останавливается против них и, словно не замечая Равика, в упор смотрит на Кэт и поёт.

Закончив песню, разворачивается и уходит.

Кэт. (громче, чем надо) Равик, вы не дали ей чаевые.

Маду мельком оглядывается на Равика и выходит.

Кэт. Вы знакомы с этой женщиной?

Равик. Нет.

Борис. (тихо подошёл сзади и обнял Кэт) Я знаком. Её зовут Жоан Маду. Она порядочная стерва.

Равик. Как-как?

Кэт смеётся.

Борис. Стерва. Не блядь, а именно стерва. Был бы ты русским, Равик, понял бы.

Кэт. (обнимает Бориса) Слава Богу, я опять в Париже, я снова с вами!

Борис. У вас русская душа, Катя. Одному Богу известно, почему вы не родились в России.

10. «Шехерезада». Через два дня.

Равик один за тем же столиком. Пьёт водку.

Маду в луче прожектора поёт «Санта-Лючию»

Равик неотрывно смотрит на неё.

Борис. (подходит) Сегодня без Кэт?

Равик. Ей нездоровится.

Борис. Два дня назад здесь же она выглядела счастливой.

Равик. Кэт Хэгстрем уже ничем не помочь.

Молчание. Оба смотрят на Маду.

Борис. Нравится?

Равик. Хорошо. Очень хорошо.

Борис. Конечно, не сенсация, но вперемежку с другими номерами сойдёт. (уходит)

Прожектор гаснет. Оркестр заиграл Танго. В полумраке пары выходят танцевать.

Мимо пар Маду идёт к нему и смотрит на него. В опущенной руке небрежно несёт манто.

Равик смотрит на неё.

Она подходит. Он встаёт и отодвигает столик. Маду садится.

Равик. Водка. Не знаю, пьёте ли вы водку?

Маду. Да. Мы её уже однажды пили. В «Бель Орор».

Равик. Верно. (садится и наливает в рюмки водки, поднимает свою рюмку) Салют!

Маду. (берёт рюмку) Давно я этого не слышала. Салют! Есть у тебя сигареты?

Равик. Только алжирские. Те самые, с крепким чёрным табаком.

Маду. Не такие уж они крепкие.

Равик даёт ей сигарету. Она закуривает. Спокойно сидит и курит. Спокойно наливает ещё рюмку водки, выпивает и продолжает курить. Равик всё время смотрит на неё.

Равик. Я уже был здесь раз. Позавчера.

Маду. Знаю. Я вас видела.

Равик. Будем и дальше пить водку?

Маду. Я ждала тебя. Ты это знал?

Равик. Нет. Я будто только сегодня встретился с тобой. Раньше ты была другой.

Маду. Да. Раньше я была другой.

Равик. Раньше вообще ничего не было.

Маду. Да, не было. Я ничего не помню.

Равик. Ты можешь уйти?

Маду. Да, я уже свободна.

Равик. Пойдём?

Маду. Да.

Равик. Ты живёшь всё там же?

Маду. Да. Разве мы не к тебе поедем? (встаёт)

Равик. (встаёт) Ко мне. (накидывает ей на плечи манто)

11. Улица. Ночь. Шорох дождя.

Маду обнимает Равика.

Маду. Держи меня!

Равик. (обнимает Маду) Держать тебя?

Маду. Да.

Равик. Я согласен держать тебя.

Маду. Спасибо.

Равик. (не отпуская Маду, машет рукой и окликает) Такси!

Маду. Не надо. Пойдём пешком.

Равик. А дождь?

Маду. Дождя нет. Просто туман. Не хочу я в такси. Хочу идти с тобой рядом.

Равик. Пойдём!

11. Постамент. Опушен и представляет собой подобие ложа.

На ложе Кэт.

Равик с охапкой сирени.

Кэт. Что со мной, Равик? Почему я снова казалась в клинике?

Равик. Это вам от клиники, Кэт. (кладёт возле неё сирень) Как пациенту-ветерану.

Кэт. Откуда клинике известно, что больше всех цветов я люблю сирень? Подайте мне зеркало, Равик.

Равик подаёт ей зеркальце. Кэт смотрит на себя.

Кэт. Спасибо. Спасибо за цветы! Мне всегда так спокойно с вами, Равик.

Равик. Я буду часто заходить к вам.

Кэт. Спасибо. Будете рассказывать мне, что нового в мире.

Равик. К чему вам это знать, Кэт? Лучше думайте о чём-нибудь более радостном.

Кэт. Что нового в мире, Равик?

Равик. Ничего нового, Кэт. Мир готовится к самоубийству.

Кэт. Война?

Равик. Все знают, что будет война. И все ждут чуда. Вам больно, Кэт?

Кэт. Терпимо. Равик?

Равик. Да, Кэт?

Кэт. Как вы думаете... мне уехать?

Равик. Да.

Кэт. (не сразу) Что ж, поеду в Италию. Там у меня тихий старый дом с садом.

Равик. Очень соблазнительно.

Кэт. Поживу там несколько недель, а потом вернусь в Париж.

Равик. Не надо возвращаться в Париж. Лучше поезжайте в Америку.

Кэт. Я оправлюсь когда-нибудь после этой операции?

Равик. Потребуется много времени, Кэт.

Кэт. Мне вдруг захотелось вернуться домой, в Америку, выйти замуж и родить ребёнка. Я смогу иметь детей?

Равик. Мы ничего не вырезали, Кэт, ничего.

Кэт. Вот это я и хотела узнать. Я хочу детей, Равик, хочу славить Господа и радоваться жизни. Мои мечты кажутся вам нелепыми? Ведь вы знаете обо мне всё.

Равик. Нелепыми? Вы ошибаетесь, Кэт. Вы ошибаетесь.

Кэт закрывает глаза.

12. На постаменте-ложе Кэт с закрытыми глазами.

Рядом Равик, Вебер и Эжени. Все трое в белых халатах.

Равик. Вебер, где коньяк?

Вебер. Эжени! Дайте-ка рюмку!

Эжени с неудовольствием подаёт рюмку.

Вебер. Что за напёрсток, Эжени? Дайте приличный стакан!

Эжени. Я не понимаю! Стоит прийти мсье Равику...

Вебер. Заткнитесь, Эжени! Вот вам стакан, Равик! (наливает коньяк) Пейте, Равик!

Равик выпивает коньяк.

Вебер. Как мадам Хэгстрем?

Равик. Ни о чём не спрашивает. Всему верит на слово.

Вебер. (торжествуя) Я так и думал. Она бесконечно вам верит.

Равик. Она верит. А я обманываю.

Вебер. Тем удобнее, что тебе верят.

Равик. Мне от этого тошно жить, Вебер.

Эжени. Впервые, я обнаруживаю в вас нечто человеческое, мсье Равик.

Вебер. Вы здесь не для того, чтобы делать открытия, Эжени! Вы просто больничная сестра! Итак, всё в порядке, Равик?

Эжени подходит к постаменту и раскладывает вокруг Кэт сирень.

Равик. (смотрит на Кэт) Да. Как только ей станет лучше, она отправится в Италию.(уходит)

Вебер. Отлично! Вот мы и избавимся от неё.

Эжени с помощью педали придаёт постаменту вертикальное положение. Кэт среди цветов выглядит неживой.

Вебер. (смотрит на Кэт) Пусть умирает в Италии. Не хотелось бы, подрывать репутацию нашей клиники.

13. Ночь.

Равик спит в своей постели.

Маду (в пальто) с огромной охапкой хризантем. С размаху бросает их на постель.

Равик. (просыпается) Бог мой, что это такое?

Маду. Подарок!

Равик. Убери цветы! Я ещё не умер. Лежать под цветами, да ещё под хризантемами! Хорошая старая кровать отеля «Энтернасьональ» стала похожей на гроб.

Маду. (порывисто сбрасывает цветы на пол) Не смей так шутить! Не смей!

Равик. (садится в постели) Забудь! Я нечаянно. Я не хотел сказать ничего плохого.

Маду. (садится возле него) Никогда не позволяй себе этого. Даже в шутку. Обещаешь?

Равик. Послушай, Жоан. Неужели это действительно так напугало тебя?

Маду. Больше, чем напугало. Я сама не знаю, что со мной.

Равик. Никогда не буду с тобой так шутить. Теперь довольна?

Маду. Не пойму, в чём дело, но для меня это просто невыносимо. Будто чья-то рука тянется за мной из темноты. Этот страх... Словно меня что-то подстерегает. Защити меня!

Равик. (обнимает её) Не бойся. Я защищу тебя.

Маду. Ты ведь всё можешь.

Равик. (грустно) О, да, я всё могу.

Маду. Я приходила вчера. Тебя не было.

Равик. Да.

Маду. Я знаю, мне не следует спрашивать, где ты был?

Равик. Не следует.

Маду. Где ты был вчера вечером? (снимает пальто) Если ты не хочешь меня видеть, скажи. Будь откровенен. (снимает пиджак)

Равик. Я бы тебе сказал.

Маду. Значит, не в этом дело? (снимает юбку)

Равик. Нет, действительно, не в этом.

Маду. Тогда я счастлива. (ныряет в постель)

Равик. (наклоняется и смотрит ей в лицо) А ты понимаешь, что говоришь?

Маду. Да.

Равик. Такими словами не бросаются, Жоан.

Маду. Я и не бросаюсь. Счастье начинается тобой и с тобой же кончается. Это же так просто. (ложится с ней рядом)

Равик. Чего доброго, ты ещё скажешь, что любишь меня.

Маду. Я тебя люблю.

Равик. Ты почти не знаешь меня.

Маду. А какое это имеет отношение к любви?

Равик. Очень большое. Любить, - это, когда хочешь с кем-то состариться.

Маду. Об этом я ничего не знаю. А вот, когда без человека нельзя жить, - это я знаю.

Равик. Где кальвадос?

Маду. Я принесу. Не вставай. (приносит бутылку и рюмки и ставит на пол среди цветов) Знаю, ты меня не любишь.

Равик. В таком случае, ты знаешь больше меня.

Маду. (смотрит на него) Ты будешь меня любить?

Равик. Буду. Выпьем за любовь!

Маду наливает рюмку и выпивает. Потом снова наливает и протягивает Равику. Он берёт рюмку, но не пьёт, а задумывается с рюмкой в руке.

Маду. Почему ты сопротивляешься?

Равик. Что ты сказала?

Маду. Почему ты сопротивляешься?

Равик. Я не сопротивляюсь. К чему мне сопротивляться? (выпивает) Дай мне ещё выпить и иди ко мне!

Маду. (наливает Равику ещё рюмку) Я безмерно счастлива. И хочу, чтобы ты тоже был счастлив.

Равик. (выпивает) И часто ты бывала счастлива?

Маду. Нет, не очень.

Равик. Ну, а всё-таки? Когда в последний раз?

Маду. Зачем ты спрашиваешь? Не помню. И не хочу вспоминать. Тогда всё было по-другому.

Равик. Всегда всё бывает по-другому.

Маду. Два года назад. В Милане. Это продолжалось недолго. Я была тогда с другим... Не одна, понимаешь? Я же не могла его вот так вот взять и бросить... А он ревновал к нему... устраивал жуткие сцены...был несчастен, не понимал.

Равик. Конечно, не понимал.

Маду. А тот, с кем я была, ругался, называл меня проституткой, предательницей, неблагодарной. И всё это была неправда. Я не изменяла ему, пока любила. А он не понимал, что я его больше не люблю.

Равик. Этого никто никогда не понимает.

Маду. Нет, ты бы понял. Но тебя я буду любить всегда. Он хотел меня убить. (смеётся) В таком положении они все и всегда грозятся убить. А вот ты никогда не захочешь меня убить.

Равик. Разве что с помощью кальвадоса. Дай-ка бутылку. Слава тебе Господи, наконец-то ты заговорила по-человечески. А то уж я изрядно струсил.

Маду. Оттого, что я тебя люблю?

Равик. (наливает себе) Незачем начинать всё сначала. Мы вместе, надолго ли, нет ли, кто знает? Мы вместе, и этого достаточно. К чему всякие церемонии?

Маду. Мне это не нравится. Однако, всё это только слова. Ты не бросишь меня. Впрочем, и это только слова, сам знаешь.

Равик. Безусловно. (делает глоток) Тебя когда-нибудь бросал человек, которого ты любила?

Маду. Да. Один из двух всегда бросает другого. Весь вопрос в том, кто кого опередит.

Равик. И что же ты делала?

Маду. Всё! (берёт у него рюмку и допивает) Но ничто не помогало. Я была невероятно несчастна.

Равик. И долго?

Маду. С неделю.

Равик. Не так уж долго.

Маду. Это целая вечность, если ты несчастен по-настоящему. (берёт его руку и целует) О чём ты думаешь?

Равик. Так, ни о чём особенном. Думаю, например, о том, что ты невинна душой, как дикарка. Испорчена до мозга костей, и ничуть не испорчена. Это очень опасно для других. Дай рюмку. Выпьем за моего друга Бориса Морозова, знатока человеческих сердец.

Маду. Я не люблю Морозова. Нельзя ли выпить за кого-нибудь другого?

Равик. Разумеется, ты не любишь Морозова. Ведь у него верный глаз. Тогда выпьем за тебя.

Маду. За меня?

Равик. Да, за тебя.

Маду. Я не опасна. Мне самой грозит опасность, но я не опасна.

Равик. Ты не можешь думать иначе. И это в порядке вещей. С тобой никогда ничего не случится. Салют!

Маду. Салют! Но ты меня не понимаешь.

Равик. (выпивает) А понимают ли люди вообще друг друга? Отсюда все недоразумения на свете. Дай-ка бутылку.

Маду. (даёт бутылку) Ты так много пьёшь. Зачем тебе столько пить?

Равик. (наливает в рюмку) Жоан! Настанет день, и ты скажешь: «Слишком много!» «Ты слишком много пьёшь», - скажешь ты, искренне желая мне добра. В действительности, сама того не сознавая, ты захочешь отрезать мне все пути в некую область, не подчинённую тебе. Салют! (выпивает) Сегодня у нас праздник. (снова наливает) Мы доблестно избежали патетики. Убили её той же патетикой. Салют! (выпивает) Почему ты вздрогнула?

Маду. (встаёт) Я знаю. (говорит спокойно) Ты смеёшься надо мной. Я это знаю, но мне всё равно. Я чувствую, что снова живу и чувствую это всем своим существом. Я, ничуть не задумываясь, с разбегу бросилась в омут. И я счастлива. Я без опаски говорю тебе об этом, пусть даже ты будешь смеяться надо мной.

Равик. Я смеюсь над собой, Жоан.

Маду. (опускается на колени среди хризантем и кладёт голову на кровать) Глупо, что я рассказала тебе о прошлом. Я могла бы промолчать или солгать, но не хочу.

Молчание. Маду стоит на коленях и смотрит на Равика. Равик смотрит на неё, потом порывисто обнимает.

Равик. Как хорошо, что ты здесь. (берёт её руки в свои) Понимаешь ли ты, что это значит? Больше, чем тысяча слов.

Маду кивает и всхлипывает.

Маду. Ничего это не значит. Ровно ничего.

Равик. (неуверенно) Неправда.

Маду. Нет. Ничего это не значит. Ты должен любить меня, любимый, вот и всё. Иначе я пропала.

Равик. Как легко ты это говоришь. Кто действительно пропадает, тот молчит.

Маду. Ты должен меня любить. (убеждённо) Иначе я пропала.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. Помост в горизонтальном положении. Равик в пальто, но без шляпы, сидит на краю и стонет, обхватив голову руками

Борис. (стоит над ним) Что с тобой?

Равик не отвечает, только мотает головой.

Борис. Я могу чем-то помочь? Что такое?

Равик не реагирует.

Борис. Неприятности с полицией?

Равик. Нет.

Борис. Так что же случилось? Что случилось, Равик?

Равик. (поднимает голову и смотрит на Бориса) Хааке.

Борис. (потрясённо) Что?

Равик. (не вставая, глядя на Бориса снизу вверх) Я увидел его на противоположной стороне улицы. Тёмно-серое пальто. Я бросился между машинами, пересёк Авеню Георга Пятого и улицу Боссом. Борис! Оказалось, десятки мужчин носят серое пальто. Я побежал, распахивая прохожих, вдоль Елисейских полей до улицы Прессбур. На площади Этуаль я остановился. Она кишела людьми и машинами и сбивала с толку множеством устьев улиц. Всё было кончено. Какая-то страшная пустота, Борис. Неужели снова ошибка? Или, Хааке опять ушёл от меня?

Борис. Можно ли ошибиться дважды?

Равик. А может ли человек дважды исчезнуть?

Борис. Но ведь ты не заглядывал на боковые улицы! Хааке мог свернуть в любую из них. Жаль, что вечер и час пик.

Равик. Опять неудача? Или мне всё время чуждаются призраки?

Борис. Ты уверен, что это действительно был он?

Равик. Когда бегал по улицам, был уверен. А сейчас... сейчас, я вообще ни в чём не уверен.

Борис. Мало ли на свете людей, похожих друг на друга?

Равик. Да. Но есть лица, которые никогда не забываются.

Борис. Что ты намерен делать?

Равик. (опускает голову) А что я могу сделать?

Борис. (приседает перед ним на корточки и заглядывает в лицо) Что ты сделаешь, если найдёшь его? Ты подумал об этом?

Равик смотрит на Бориса и молчит.

Борис. Подумай! Лучше решить заранее. А то растеряешься и натворишь глупостей. Это совсем ни к чему. Особенно в твоём нелегальном положении. Угодить на много лет в тюрьму – мало радости! (встаёт)

Равик тоже медленно встаёт.

Борис. На твоём месте я бы тоже не стал за себя беспокоиться. Но что будет с тобой, мне не всё равно. Как бы ты поступил, если бы он сейчас вошёл в «Шехерезаду»?

Равик сжимает кулаки и подаётся вперёд.

Борис. Бросился бы на него?

Равик. Не знаю, Борис, честно, не знаю.

Борис. Ты ведь без оружия?

Равик. Без оружия.

Борис. Кинешься на него – тебя потащат в полицию, а он отделается лёгким испугом. Понимаешь? (кладёт руку на плечо Равика) Можно, конечно, толкнуть его под машину где-нибудь на перекрёстке. Но ведь нет гарантий.

Равик. Не стану я толкать его под машину.

Борис. Ты прав. Нет смысла. (кладёт ему на плечи обе руки) Равик! Если это, и в самом деле, Хааке, и, если он попадётся тебе, надо действовать с железной уверенностью. Это будет единственный твой шанс. Не торопись. Не делай глупостей. Слышишь?

Равик. Да.

Борис. Слушай, Равик, если тебе суждено его встретить, ты встретишь. Понимаешь? Будь начеку всегда и везде. И будь готов ко всему. Но зря не рискуй. Дешёвое геройство тут не к чему. Убивай, только если наверняка сможешь скрыться.

Равик. Спасибо тебе, Борис. Я понимаю. Не беспокойся.

2. Комната Маду. На постели разложено то самое чёрное вечернее платье, в котором она выступает в «Шехерезаде».

Маду встречает Равика в широком синем халате мужского покроя.

Маду. (удивлена) Равик?! Ты пришёл? Ко мне? (отступает, пропуская его)

Равик. Да. (входит)

Маду. Ведь ты у меня ни разу не был. С того самого вечера.

Равик. Верно, Жоан. Странно мы с тобой живём.

Маду. А у меня есть кальвадос. (ставит перед Равиком бутылку и рюмку)

Равик. Жоан...

Маду. (подходит к нему вплотную) Скажи сразу, что с тобой?

Равик. Со мной? Что со мной может быть?

Маду. Не знаю. У тебя что-то неладно? Ты потому и пришёл?

Равик. (не сразу) Жоан! Сегодня вечером не приходи ко мне. Не надо. И завтра, пожалуй, тоже. И ещё несколько дней.

Маду. Ты занят в клинике?

Равик. Нет. Я не могу сказать. Но это не имеет никакого отношения к нам с тобой.

Маду. (не сразу) Хорошо.

Равик. Ты меня поняла?

Маду. Нет. Но, если ты этого хочешь, значит, так нужно.

Равик. (внимательно смотрит ей в лицо) Ты не сердись?

Маду. Боже мой, Равик, могу ли я сердиться на тебя?

Молчание.

Равик внезапно обнимает Маду и крепко прижимает к себе.

Равик. Я держу тебя. (через паузу) Спокойной ночи, Жоан.

Маду. Спокойной ночи, Равик!

3. «Бель – оror». Тот же столик с клетчатой скатертью.

Борис (в костюме) и Равик усаживаются за столик.

Подходит тот же кельнер.

Равик. (Борису) Борис?

Борис. Кофе. Чашечку кофе.

Равик. И мне кофе. Двойной и очень крепкий.

Кельнер уходит.

Борис. (смотрит на часы) Третий час. Дальнейшие поиски бессмысленны. Где бы Хааке не провёл вечер, он уже наверняка возвратился к себе. Мы обошли все рестораны, бордели и ночные клубы, где он мог бы быть.

Равик. Похоже, что все.

Борис. Утром я обзвоню отели. Я сделаю это очень аккуратно и осторожно.

Равик. Спасибо, Борис.

Кельнер ставит перед ними две чашки кофе.

Кельнер. Что-то ещё?

Борис. Ничего. Спасибо.

Кельнер уходит.

Борис. (пьёт кофе) Лет двадцать назад мне каждую секунду казалось, что я вижу одного из тех, кто убил моего отца. Я не знаю, что пережил ты. Не хочешь, - не говори. Но, что бы это, ни было, мне это знакомо. Так вот, я извожу себя до сих пор. Проклятые призраки!

Равик. (отодвигает свой кофе) В августе тридцать третьего я две недели прятал от гестапо двух своих друзей. Я помог им бежать. Но меня арестовали. Допрашивал Хааке. Очнувшись от первого обморока, я попытался выхватить у него револьвер, но что я мог против четверых вооружённых нацистов? Три дня подряд обмороки и чудовищная боль. И всегда лицо Хааке. Шрам на лбу. (приподнимает волосы и показывает Борису) Это Хааке разбил мне голову. Кровь заливала глаза и рот. Я захлёбывался кровью, я ослеп от крови. А Хааке просто выплеснул мне на голову ведро воды и продолжил допрос. Три дня пыток, а потом ввели Сибиллу. Она ничего не знала. Ей показали меня, чтобы она заговорила. Балованное красивое существо, привыкшее к лёгкой жизни. Она набросилась на Хааке с кулаками и проклинала нацистов. Это был роковой поступок. Хааке объяснил мне, что с ней произойдёт в женском концентрационном лагере, если она не признается во всём. Я молчал. Тогда Хааке объяснил, что с ней произойдёт до концлагеря. Я не признался. Но я, собственно, ничего и не знал. Я пытался объяснить Хааке, что едва знаком с Сивиллой, что она в моей жизни значит меньше, чем изящная статуэтка. И что я никогда бы ей не доверился. И это всё было правдой. Хааке улыбался. Сибиллу погубила через три дня. Меня отправили в концлагерь. Я бежал. А теперь Париж. Триумфальная арка. Ресторан «Бель-Оror»... И эти окаменевшие воспоминания кажутся мне неправдоподобными. Не глупец, ли я? Гоняюсь за миражами? Стоит ли думать о прошлом?

Молчание.

Борис. Я внушал себе это тысячи раз.

Кельнер гасит огни, и всё погружается в сумрак.

Борис. Ресторан закрывается. Пора уходить. Я заплачу.

Равик. (кельнеру) Мсье! Получите с меня!

4. «Шехерезада»

В луче прожектора Маду заканчивает петь «Санта-Лючию».

Равик издали смотрит на неё.

Она видит его, и как только заканчивает песню, направляется к нему.

Маду. Равик!

Равик. Ты ещё занята?

Маду. А что?

Равик. Уйдём отсюда!

Маду. Но ты же сказал...

Равик. С этим покончено. Поскорее. Жду тебя у входа.

Маду. погоди! Ты пришёл ради меня?

Молчание.

Равик. Да. Ты – единственный человек, кому я дорог. Ты предлагала мне жизнь, а я её отвергал. Я пришёл только ради тебя. Я понял, Жоан. Люди любят друг друга, и в этом – всё. Это и самое невероятное и самое простое на свете. Зачем иначе жить?

Маду. Равик, ты любишь меня?

Равик. Да, Жоан. Больше, чем ты думаешь.

Маду. Но любовь, - это, когда люди принадлежат друг другу навсегда.

Равик. Пойдём!

Маду. Как я ненавижу эту «Шехерезаду»! Всегда одно и то же. Одно и то же! Я хочу бежать отсюда, бежать от всех. Неужели ты не понимаешь?

Равик. Очень даже понимаю.

Маду. Почему же ты не заберешь меня от всех, дорогой?

Равик. Куда?

Маду. Да куда угодно! Я чувствую себя так, будто я наполовину замужем за тобой. А я не хочу наполовину.

Равик. Пойдём, выпьем!

Маду. Не поможет! Что со мной? Что со мной, любимый? Может быть, дождь? Или эта промозглая мгла? Я так ждала, что ты скажешь мне, что любишь, а теперь мне тоскливо. С тобой такого не бывает. Ты сильный.

Равик. Сильный?

Маду. Да.

Равик. Откуда ты знаешь?

Маду. Ты никогда ничего не боишься.

Равик. Я уже ничего не боюсь. Это не одно и то же, Жоан. Скажу коротко. И больше не будем к этому возвращаться, Жоан. Я живу во Франции нелегально. У меня нет документов. Вот почему я никогда не смогу жениться и никогда не смогу снять квартиру. Для этого нужны удостоверения и визы. У меня, их нет. Я даже не имею права работать. Я работаю тайком. Перед операцией доктор Вебер остаётся с пациентом до сих пор, пока тот не засыпает от наркоза. После этого появляется мсье Равик и делает операцию, которая доктору Веберу не по плечу. Он бездарен. Когда пациент просыпается, доктор Вебер снова стоит перед ним с гордым видом хирурга-виртуоза. Доктор Вебер платит мсье Равику столько, сколько считает нужным. От своих гонораров он отстёгивает гроши.

Служащие клиники держат язык за зубами. Я приношу клинике немалый доход. И всё, потому что я не нацист. В сущности, мне не так уж плохо. Я живу, я работаю, и у меня есть ты.

Маду. А полиция?

Равик. Полицию всё это не особенно занимает, но, если я случайно попадусь, меня вышлют.

Маду. Вышлют? И ты не будешь со мной?

Равик. Жоан, уедем с тобой на несколько дней! Туда, где солнце. В Ниццу. К чёрту осторожность! Ты права, Жоан. Уйдём из мрака, холода и дождя. Хотя, на несколько дней!

Маду. В Ниццу? Ты не шутишь?

Равик. Нет.

Маду. Тогда пойдем, выпьем за это!

5. День. Дождь. Шум от вокзала поблизости.

У турникета при входе на вокзал Равик и Кэт.

Равик держит её чемодан.

Равик в плаще. Кэт в элегантном пальто, держит над ними обоими зонтик.

Кэт. (говорит спокойно, уверенно, улыбается) Почему бы вам не поехать со мной, Равик? Во Флоренции, наверное, уже расцвела сирень. Камин, книги, покой. По ночам – тишина. И всё это так далеко отсюда. Разве плохо?

Равик. Очень даже хорошо, Кэт. Но, боюсь, мне это не подходит.

Кэт. Почему?

Равик. Я вообще ничего не хочу.

Кэт. Так что же мне делать?

Равик. Радоваться.

Кэт. Для того, чтобы радоваться, всегда нужен ещё кто-то. Невозможно радоваться одной. Прощайте, Равик. Может быть, я не стану задерживаться в Италии, а поеду прямо в Нью-Йорк. Если вам случится попасть в Америку, разыщите там сельский дом, и в нём женщину с мужем, детьми и собаками. Кэт Хэгстрем, которую знали вы, я оставлю здесь. Её могилка в «Шехерезаде» Будете там, помяните меня, выпейте с Борисом...

Равик. Водки!

Кэт. Да, водки.

Равик. Хорошо.

Молчание.

Кэт. Как всё странно и грустно.

Равик. Самое лучшее при расставании, - не тянуть время. Прощайте, Кэт.

Кэт. Прощайте, Равик.

6. Операционная. На вертикально стоящем постаменте – больной, приготовленный к операции. Голова заслонена экраном. Тело укрыто простыней. Только узкая полозка голого живота, которую сестра Эжени смазывает йодом.

В стороне в зелёных халатах Вебер и Равик.

Вебер. С вами больше невозможно работать.

Равик пожимает плечами.

Вебер. Вас не устраивает двести франков за операцию? Почему?

Равик. Потому что я случайно узнал, что больной платит вам за эту операцию десять тысяч франков.

Вебер. Доктор Равик, такого от вас я никак не ожидал.

Равик. Я тоже.

Вебер. За полчаса до операции! Не понимаю, почему вы вдруг стали таким меркантильным? (с негодованием) Крайне неприятно говорить о деньгах в минуту, когда пациент верил нам свою жизнь.

Равик. Что ж тут неприятного?

Молчание.

Вебер. А на сколько вы рассчитываете?

Равик. На две тысячи франков.

Вебер. (с крайним изумлением) Что?! (отрезает) Просто смешно!

Равик. Ну, что ж... (начинает снимать халат) Ищите мне замену. (снимает халат, берёт пальто и шляпу)

Вебер. Пойдите! Не можете же вы просто так бросить меня?

Равик кладёт пальто и шляпу.

Вебер. Две тысячи франков! Как вы могли заикнуться о такой сумме?

Равик снова берёт пальто и шляпу.

Эжени. (издали) Можно приступать к наркозу, доктор Вебер?

Вебер. Ваше мнение, доктор Равик?

Равик. Вам решать, доктор Вебер.

Вебер. Сестра, погодите минутку. Нам ещё не вполне ясен ход операции.

Эжени поворачивается к больному.

Вебер. (с упрёком) И что же дальше?

Равик. Отложите операцию до завтра и найдите другого хирурга.

Вебер. Доктор Равик, не следует мельчить нашу профессию спорами на финансовые темы.

Равик. Согласен, с вами.

Вебер. Предоставьте, как вы это делали всегда, мне решить вопрос о гонораре. Ведь до сих пор вы были всегда довольны.

Равик. Никогда.

Вебер. Но вы молчали! Почему?

Равик. А был ли смысл говорить с вами? К тому же раньше деньги меня не очень интересовали. А теперь я не один. И они мне нужны. Очень нужны.

Эжени. (подходит) Пациент волнуется, доктор Вебер!

Вебер. Ещё минутку, сестра Эжени! Проверьте пульс, измерьте кровяное давление, температуру.

Эжени. Всё уже сделано, доктор.

Вебер. Тогда приступайте к наркозу.

Эжени возвращается к больному.

Вебер. Так и быть. Я дам вам тысячу.

Равик. (кладёт пальто и шляпу) Две тысячи.

Вебер. (проникновенно) Послушайте, Равик! Как эмигрант, которому запрещено практиковать...

Равик. (перебивает) Я не вправе оперировать и у вас. (надевает пальто)

Вебер. (горько) Две тысячи... Две тысячи... А я-то думал, вы не забыли, что я для вас сделал...

Молчание.

Вебер. Итак, две тысячи... Ну, а теперь-то мы можем начать?

7. Ницца. Синее небо. Синее море. Яркий солнечный свет.

Маду в ярком жёлтом в больших цветах платье, стоит на ветру, подставив лицо солнцу. Ветер взмётывает и спутывает её волосы.

Маду. (не двигаясь) Равик! Я тебя чувствую. Ты подсматриваешь за мной! Зачем?

Молчание.

Равик. (выходит в светлой рубашке и светлых брюках) Потому что, когда я вот так подсматриваю, ты мне кажешься не женщиной, а мечтой. Нет, ты – это все мечты мужчины, и ещё одна, о которой он и не подозревал.

Маду. (не двигаясь) Иногда ты бываешь неожиданным.

Равик. (не приближаясь к ней) Иногда?

Маду. (смотрит на него) Иногда.

Равик. Недурное признание. Несколько недель назад ты бы так не сказала.

Маду. (снова задирает лицо к солнцу и закрывает глаза) Да. Но ведь я тогда совсем не знала тебя.

Равик подходит к ней, смотрит ей в лицо, смеётся.

Равик. Плохие наши дела.

Маду. (в той же позе) Почему?

Равик. Через несколько недель ты узнаешь меня ещё лучше, и я совсем перестану быть для тебя неожиданным.

Маду. Так же, как и я для тебя. Ты любишь меня?

Равик. Да.

Маду. (не открывая глаз, сладко потягивается) Ты слишком редко говоришь об этом.

Равик. Ты потягиваешься, как сытая кошка. Уверенная, что жертве не уйти от неё.

Маду смеётся, не меняя позы.

Равик. И мне хочется столкнуть тебя вниз, в море, на острые камни.

Маду. (не меняя позы) Столкни!

Равик смотрит на неё. Молчание. Маду открывает глаза и смотрит на него.

Маду. А ты смог бы? (подходит к нему вплотную) Уничтожить человека, потому что любишь его? Убить, потому что слишком любишь?

Равик. О, Боже! Ещё такое выслушивать?!

Маду. Разве я говорю неправду?

Равик. Это правда, для третьесортных поэтов и для женщин, которых никому не интересно убивать.

Маду. Но в первую очередь, для тех, кто убивает.

Равик. (подумав) Возможно.

Маду. Так ты смог бы?

Равик. Жоан! Перестань болтать! Эта игра не по мне. Я уже убил слишком много людей. Как солдат – любитель и как врач- профессионал. Кто много убивал, того не тянет убивать из-за любви. Убивать женщину из-за любви, - это не мужское дело. О чём мы только говорим! (обнимает её) Ты моя мечта. Ты моё счастье. Лёгкое, как облако и яркое, как луч прожектора. Дай поцеловать тебя!

Поцелуй.

Маду. Сколько мы уже здесь?

Равик. Восемь дней.

Маду. А мне кажется, что восемь лет.

Равик. А мне кажется, что восемь часов!

Маду. Давай, вернёмся в Париж!

Равик. Ты так загорела! И тебе это идёт.

Маду. Когда мы вернёмся в Париж?

Равик. Твои глаза не бывают такими синими в Париже. Оглянись, какая синь вокруг! Море! Небо!

Маду послушно оглядывается, что-то видит в море и смотрит уже туда.

Равик. Снова едут твои друзья. Дорогая яхта!

Маду. Где?

Равик. Там, куда ты так пристально смотришь.

Маду. Это, скорее, твои друзья. С тобой они познакомились раньше.

Равик. Минуты на три.

Маду. Но ведь всё равно, раньше.

Равик. (смеётся) Пусть, будет по-твоему, Жоан. Но сигналият они, по-моему, тебе.

Маду. А я к ним не пойду! Ни за что! (машет им рукой и подпрыгивает) Не пойду и всё!

Равик. Конечно, не пойдёшь! (закрывает глаза и подставляет лицо солнцу)

Маду перестаёт махать рукой и смотрит то на море, то на Равика.

Маду. Мы не слишком учтивы.

Равик. (не меняя позы) Но мы же влюблённые! Нам простительно.

Маду. Они приехали специально за нами. Спустись и скажи, что мы не едем с ними!

Равик. (смотрит на Маду) Хорошо. Сделаем проще. Пойди к ним и объясни, что мне надо работать. А сама поезжай. Так же, как вчера и позавчера.

Маду. И вчера, и позавчера они были страшно огорчены, что ты не поехал с нами!

Равик. О, Господи! Ты хочешь пойти и пойдёшь! Зачем я должен уговаривать тебя сделать то, что ты и так сделаешь, нравится мне это или нет?

Маду. (смеётся и целует его в щёку) Я не приду ужинать. Сегодня они обещали мне показать древнюю смоковницу. Но смотреть на неё надо только при лунном освещении!

Машет рукой, тем, кто на яхте и убегает.

8. Сумерки. Стоит автомобиль.

Равик в тёплом пальто и с небольшой сумкой направляется к автомобилю.

Маду в том же платье преграждает ему путь.

Маду. Ты хочешь уехать без меня?

Равик. (мягко отстраняет её с пути) Я покатаюсь часок и вернусь.

Маду. (решительно встаёт на его пути) Ты лжёшь! Ты решил больше не возвращаться! Ты хочешь оставить меня здесь, с этими идиотами!

Равик. Не будем говорить в таком тоне. Тебе было весело?

Маду. Нет!

Равик. Сочувствую. (обходит её, подходит к машине и забрасывает внутрь сумку)

Маду. (подбегает к машине и не пускает Равика внутрь) Я впервые на Ривьере, Равик! Мне всё хочется увидеть, но у тебя нет яхты! Всё не так, как ты думаешь! Куда ты намерен ехать?

Равик. Никуда. Немного покататься.

Маду. Я с тобой.

Равик. Лучше возвращайся к твоим идиотам. Они наверняка ждут тебя. (садится в машину)

Маду. (встаёт перед машиной) Забудь о том, что было сегодня. И никогда больше не вспоминай! Любовь изрешетила меня насквозь! Я так люблю тебя! (открывает дверцу и наклоняется к Равику) Сердце моё так бы и расстилалось под твоими ногами! Оно сошло с ума! (садится рядом с Равиком) Давай больше не вернёмся в Париж! Ограбим банк! Украдём чемодан с бриллиантами, угоним машину! И всегда будем вместе, только ты и я! (обнимает его)

Равик. Жоан, я расскажу тебе сказку. Жила-была волна и любила утёс. Она обдавала его пеной и брызгами, день и ночь целовала его, обвивала своими белыми руками. Она вздыхала и плакала, и молила: «Приди ко мне, утёс!». Она любила его, обдавала пеной и медленно подтачивала. И вот в один прекрасный день, совсем уже подточенный, утёс качнулся и рухнул в её объятия.

Маду. И прекрасно!

Равик. Но утёса-то не стало! Утёс затонул в волне. Теперь это был лишь каменный обломок на дне морском. Волна же была разочарована, ей казалось, что её обманули, и вскоре она нашла себе новый утёс.

Маду. (отворачивается от него) При чём тут мы с тобой? Уж, если на то пошло, ты всё время хочешь бросить меня! И бросишь первым! Ты! А не я!

Равик. (смеётся) Это будут твои последние слова перед тем, как ты меня оставишь. И ты сама поверишь в них!

Маду. Но я люблю тебя, Равик!

Светает. Встаёт солнце.

Равик. Вот и день наступил. А где-то, на другом конце земли ещё ночь. Когда-нибудь появятся самолёты, на которых можно будет догонять ночь. И, если ты будешь меня любить (смотрит на часы) в четыре часа утра, мы сделаем так, чтобы всегда было четыре часа. Вместе со временем мы полетим вокруг земли, и время остановится для нас.

Маду. (обнимает его, прижимается к нему) Просто сердце разрывается, как это было бы хорошо! Но где же, где же он, такой самолёт! Скорей бы его построили!

9. Перед входом в «Шехерезаду».

Борис в ливрее.

Равик подходит.

Равик. Здорово, старина!

Борис. Что-то я тебя совсем заждался!

Равик. Как поживаешь?

Борис. Равик, я на службе. Так что, не виляй, а сразу спрашивай по делу.

Равик. Жоан сегодня работает?

Борис. Жоан больше не служит в «Шехерезаде», Равик.

Равик. Она уволилась?

Борис. Дней пять назад.

Равик. И что она делает?

Борис. Ходят слухи, что снимается в каком-то фильме.

Равик. Снимается в Париже?

Борис. Кажется, нет. Для тебя это неожиданно?

Равик. Признаться, да.

Борис. Ты ждал другого?

Равик. Ждать и знать, - разные вещи.

Борис. Так рассуждают только жалкие романтики. Зайди и выпей чего-нибудь покрепче. Я освобожусь и составлю тебе компанию. (отеческим тоном) Твой отец Борис, знаток человеческого сердца, говорит тебе, Равик,- всё позади. И это к лучшему, поверь мне, Равик. Она не вернётся.

10. Помост в горизонтальном положении.

На нём сидит Кэт, в больничном халате. Худая. Щёки ввалились.

Рядом Равик в белом халате.

Кэт. Вот я и вернулась, Равик.

Равик. Я думал, вы уже в Америке.

Кэт. (смотрит в сторону) Почему вы не сказали мне?

Равик молчит и смотрит в сторону.

Кэт. Я бы выдержала. Как вы думаете, доживу я до начала войны?

Равик. А почему бы и нет?

Кэт. Книги, камин, сад, - всё это есть, но покоя нет. Там теперь тоже маршируют колонны молодчиков в фашистской форме. Я, кажется, выбрала неподходящее время, чтобы мечтать о покое. Покоя больше нет нигде. Разве что здесь, возле вас, Равик... И то, совсем мало.

Равик. Почему вы не уехали в Америку?

Кэт. Вы хотите избавиться от меня?

Равик. Боже сохрани! Но ведь вы собирались.

Кэт. А теперь я решила прожить это лето здесь. Ведь это последнее лето.

Эжени подходит с телефоном в руках.

Эжени. Доктор Равик, вас к телефону.

Равик. (Кэт) Простите, я – на минуту. (подходит к Эжени, забирает телефон и отходит в сторону) Жоан? Где ты?

Маду. (только лицо в луче прожектора) У себя дома.

Равик. (и его лицо в луче прожектора) Ты в Париже?

Маду. Конечно. А почему ты спрашиваешь?

Равик. Ты больна?

Маду. С чего ты взял?

Равик. Но ты звонишь в клинику.

Маду. Я звонила в отель, но тебя там не было. Я и позвонила в клинику. Я не больна.

Молчание.

Равик. Жоан, мне нельзя долго задерживаться у телефона. Я должен вернуться к больной.

Молчание.

Маду. Куда ты пропал?

Равик. Я пропал?

Маду. Но ведь это ты не даёшь о себе знать!

Равик. Но ты исчезла, не оставив ни телефона, ни адреса.

Маду. Я сказала тебе всё это!

Равик. Ошибаешься, Жоан!

Маду. Нет, это ты, как всегда всё забыл.

Равик. Хорошо. Поужинаем сегодня вместе?

Маду. А ты не мог бы зайти ко мне?

Равик. Хорошо. Сегодня вечером.

Маду. Сейчас!

Равик. Ты вечером занята?

Маду. Иногда ты не понимаешь простых вещей. Мне хочется, чтобы ты пришёл сейчас..

Равик. Сейчас я занят.

Маду. А когда освободишься?

Равик. Примерно, через час. Через полчаса. Через четверть часа.

Маду. Записывай телефон и адрес!

11. Большая залитая солнцем комната.

Огромное окно. В перспективе виден в дымке Булонский лес.

Большая тахта, обитая ярко -синим. Кресла, низкие столики. На одном из них американская радиола. Рядом груды пластинок.

Огромный фикус.

Маду в простом чёрном халате мужского покроя.

Равик в костюме и шляпе.

Маду. Входи! Я ждала тебя. Должен же ты посмотреть, как я живу. (ведёт его в комнату)

Равик. (осматривается) У тебя хорошо. Просторно и уютно. (открывает радиолу) Отличный аппарат. С автоматической сменой пластинок.

Маду. (отбирает пластинку) Ты знаешь, как она работает?

Равик. (врёт) Нет.

Маду. (ставит пластинку) Чудесная вещь! Не надо вставать и менять пластинки. Лежи, слушай и мечтай в сумерках.

Парижская песенка «Я буду ждать»

Равик. Радиола, и в самом деле, работает великолепно. Она стоит своих двадцати тысяч франков.

Маду. Пойдём! Ты ещё не видел спальню!

Равик. А мне непременно надо её посмотреть?

Маду. Ты не хочешь посмотреть? Почему?

Равик. Действительно, почему? Конечно, посмотрю!

Маду гладит его рукой по лицу, целует и ведёт за руку в спальню.

Освещается спальня. В голливудском вкусе, в стиле Людовика ХУ1.

Кровать, зеркала, туалетный столик, расписной ларь.

На крышке ларя – огромная шляпа с фиалками и пара золотых туфель.

На туалетном столике груды ярких платьев.

Маду. (прильнула к Равику) Нравится тебе у меня?

Равик. Нравится. Всё это очень подходит тебе. (привлекает её к себе)

Молчание. Стоят, обнявшись.

Маду. Жаль, что у тебя нет такой квартиры. Тут чувствуешь себя совсем иначе. Это не то, что жалкие гостиничные номера.

Равик. Ты права, Жоан. Я с удовольствием всё это осмотрел. А теперь я пойду.

Маду. Ты уходишь? Не успел прийти и уже уходишь?

Равик. (берёт её за руки) Да. Ухожу. Насовсем. Ты живёшь с другим. А я не делю с другими женщин, которых люблю.

Маду. (резко отбрасывает его руки) Что? Что ты говоришь? Я... Кто тебе это сказал? Какая гадость! Впрочем, нетрудно догадаться! Конечно, Морозов! Этот... Что может быть на уме у ночного швейцара, кроме грязных мыслишек? Этот жалкий холуй не способен понять, что женщина сама по себе может что-то стоить! Что она может работать и кое-чего добиться! Как только тебе не стыдно!

Равик. Хватит болтать ерунду! Причём тут Морозов? Мне ничего не надо было говорить. Всё, что я здесь увидел, говорит само за себя. И не надо отводить мне роль наёмного танцора из третьесортного дансинга.

Маду. (в бешенстве) Понятно! Раз я живу в такой квартире и больше не служу в «Шехерезаде», значит, я стала содержанкой? Ещё бы! Как же может быть иначе?

Равик. Я больше не хочу выслушивать этот вздор!

Маду. (бросается в отчаянье на кровать) Какая гадость! Гадость! (с отвращением) Я звоню тебе, радуюсь, что увижу тебя, а ты... Я-то думала, ты – другой!

Равик. Жоан! Чем меньше об этом говорить, тем лучше.

Маду. Не я завела этот разговор.

Равик. Знаю. Разговор начал я. Я же его и заканчиваю. (поворачивается и уходит, по пути выключает радиолу)

Песенка обрывается.

Маду догоняет его в гостиной и, раскинув руки, преграждает путь.

Маду. Вот как! Ты кончаешь разговор и уходишь? До чего же всё просто! Но я хочу сказать тебе ещё кое-что! Я ещё многое хочу тебе сказать. Ты сам видел, что в Ницце я была не только с тобой. Но ты спал со мной. И тебе всё было безразлично. Ты ласкал меня, и я любила тебя. И ты ни о чём не спрашивал. И я тебя за это любила, как никогда раньше. Я знала, ты должен быть таким и только таким! И я боготворила тебя! А теперь? Ты пришёл и упрекаешь меня в том, на что в Ницце закрывал глаза! Теперь ты всё вспомнил и разыгрываешь оскорблённую невинность. И закатываешь мне сцену, словно ревнивый супруг! Чего ты собственно от меня хочешь? Какое ты имеешь на меня право?

Равик. Никакого.

Маду. Хорошо, что ты, по крайней мере, понимаешь это. Зачем ты сейчас швырнул мне это в лицо? Почему ты молчал в Ницце?

Равик. Жоан! В Ницце мне показалось, что всё у тебя кончено, и ты вернулась. Но я ошибся. Ты не вернулась.

Маду. Я не вернулась? А что же перед тобой сейчас? Призрак, что ли?

Равик. Передо мной – ты. Но ты не вернулась.

Маду. Это для меня слишком сложно. Я не понимаю.

Равик. Прекрасно понимаешь. Ты живёшь с другим.

Маду. Ну, вот, живу с другим! Опять за своё! Если у меня есть друзья, значит, я живу с другим!

Равик. Жоан, ты смешна.

Маду. Если кто-то и смешон, так это ты.

Равик. Пусть так. Жоан, не могу же я тебя оттолкнуть от двери. А мне придётся это сделать.

Маду. Даже, если я и близка с кем-то, тебе-то что? Ты же сам говорил, что не хочешь ни о чём знать.

Равик. Я думал, у тебя всё кончилось, что было в Ницце. А что было, то прошло. И я не хотел об этом знать. Я себя обманывал.

Маду. Но вот видишь, сам понимаешь, что ты не прав.

Равик. Но ты не только была с кем-то, ты и сейчас не одна. И намерена так жить и впредь. Тогда я этого не мог предполагать.

Маду. Не лги! Ты знал это всегда. Я никогда ничего от тебя не скрывала.

Равик. Хорошо. Допустим. Знал и не верил. Не хотел знать.

Маду. (с отчаяньем) Не могу же я ни с того ни с сего прогнать человека, который мне ничего плохого не сделал? Прогнать только потому, что тебя это не устраивает? Неужели ты этого не понимаешь?

Равик. Понимаю.

Маду. Зачем же ты мучаешь меня?

Равик. Отойди от двери! (садится в кресло) Отойди от двери. Я не убегу.

Маду. У меня есть кальвадос. (ищет бутылку) Повремени немного. Я не могу сказать ему сразу.

Равик. Не надо подробностей!

Маду. (находит бутылку и рюмки и ставит перед Равиком на столик) Поверь, это ненадолго. (наливает в рюмки кальвадос) А что касается квартиры, Равик... Я сама зарабатываю деньги. Он актёр. Он помог мне. Я снимаюсь в кино. Это не то, что в той дыре, в «Шехерезаде». И я многого добьюсь. Я хочу стать независимой. Тебе это кажется смешным?

Равик. (залпом выпивает свой кальвадос) Наоборот. Разумным. Всё хорошо, Жоан. Ты уже многого добилась. И добьёшься большего. (встаёт)

Маду. Ты и, правда, так думаешь.

Равик. Я не имею в виду твою карьеру. Поговори об этом со своим специалистом.

Маду. Ты уже уходишь?

Равик. Да, я должен идти.

Маду. (берёт его за руку) Остайся, Равик.

Равик. В клинике умирает человек.

Маду. У врачей всегда отговорки.

Равик. Как и у женщин, Жоан. Мы ведаем смертью, вы – любовью. На этом стоит мир. Прощай, Жоан!

Маду. Ты придёшь снова, Равик?

Равик. Не думай об этом! Со временем всё само по себе как-нибудь образуется. (уходит)

13. Комната Равика. Ночь. Темно. Эпизод практически в полной темноте. Входит Равик, в пальто и шляпе. Останавливается. Стоит. Молчит. Не двигается.

Равик. Жоан!

Молчание.

Равик. Жоан! Я чувствую, ты здесь.

Молчание. Равик не двигается.

Мадю. (она в постели Равика, и её едва можно различить в темноте) Я тоскую весь день. Сама не знаю, почему.

Молчание.

Мадю. Позволь мне остаться у тебя.

Равик. (не двигаясь) Надолго?

Мадю. До утра.

Равик. Всего лишь?

Мадю. (садится в его постели и смутно видно, что она обнажена) Разве нельзя обо всём забыть, Равик?

Равик. Нет, Жоан, нельзя.

Мадю. (протягивает к нему руки) Мне ничего не надо. Только уснуть рядом с тобой. Или даже на диване.

Равик. Нельзя. Я уйду в клинику.

Мадю. Я подожду. И к тому же, ты врешь, тебе не надо в клинику.

Равик. Ты права. Я вру. Я не хочу, чтобы ты оставалась.

Мадю. (укутывается в простыню и встаёт на постели) Почему?

Равик. Тебе здесь больше нет места.

Мадю. Моё место здесь.

Равик. Нет.

Мадю. Почему?

Равик. Не задавай глупых вопросов.

Мадю. Ты больше не хочешь меня?

Равик. Я в этом не уверен.

Мадю. (подходит к нему вплотную и смотрит в лицо) Равик! Ты должен мне помочь. Я могла бы лгать, но не хочу. Да, я его люблю, но это совсем не то, что у нас с тобой. Иначе, я не пришла бы к тебе. Откуда ты взял, что любить можно, только одного человека? Неверно. Ты и сам это знаешь. Правда, бывают однолюбы, и они счастливы. Но есть и другие, у которых всё шиворот-навыворот.

Равик. (не двигаясь и не глядя на неё) Все мы так оправдываемся.

Мадю. Мне не в чем оправдываться. Такие люди, как я, обычно несчастливы. Я просто ничего не могу поделать с собой. И нам надо пройти через это. (она отпускает простыню и, в дезабилье, обнимает Равика) Равик! Я не хочу потерять тебя!

Равик отстраняется, включает свет и озирается, что-то ищет.

Равик. Но ты не хочешь потерять и другого. (находит её платье и берёт его) И ты найдёшь для себя любые оправдания. (натягивает на неё платье) И это будет повторяться вновь и вновь. Это у тебя в крови. (поправляет на ней платье, застёгивает пуговицы) Когда-

то и я мог так. А вот с тобой не могу. (надевает ей на ноги туфли) Ничего особенного в нашей ситуации нет. Всё предельно просто. Супруг и любовник. (подаёт ей пальто)

Маду. Неправда!

Равик. Нет, правда.

Маду. Не смей так говорить! Я люблю тебя и буду любить, пока не перестану дышать. Я это твёрдо знаю. Вот почему мне не в чем винить себя. Того человека я тоже люблю, и я не хочу этому сопротивляться. Но моё место не с ним, Равик! Я принадлежу тебе.

Равик. Что случилось, то случилось, Жоан. Нам этого не изменить.

Маду. Но я и не хочу ничего менять.

Равик. Уходи, Жоан!

Маду. Я хочу остаться у тебя на эту ночь. Позволь мне!

Равик. Не начинай с меня обманывать своего друга, Жоан. Он ещё настрадается вдоволь.

Маду. Я не могу быть одна, Равик!

Равик. Ты и не одна.

Маду. Одна. Его нет в Париже.

Равик. Вот как. Ты всегда, по крайней мере, откровенна. Я провожу тебя.

Маду. Ты больше не любишь меня?

Равик. Я в этом не уверен.

Маду. Значит, ты будешь ждать. Ты не бросишь меня!

14. Ресторан «Бель-Орор». Летом дополнительно выставлены столики на террасе.

Столик, за которым сидел Равик, сейчас пуст.

За другим столиком сидит Хааке, в нацистской форме.

Перед ним – бутылка шампанского в ведёрке со льдом и серебряное блюдо с лангустом.

Кельнер на его же столике готовит салат из помидоров.

Хааке ест лангуста, низко склонившись над тарелкой.

Едва кивает кельнеру, и тот начинает откупоривать шампанское.

В кафе входит Равик и тут же видит Хааке.

Равик замирает и смотрит на Хааке.

Хааке поднимает голову, видит Равика и смотрит на него.

Кельнер откупоривает шампанское и наливает.

Хааке, не глядя, берёт бокал и пьёт. Всё время смотрит на Равика.

Равик отворачивается и садится за свой обычный столик.

Кельнер тут же подходит к Равику.

Кельнер. Что прикажете?

Равик. Принесите мне...

Молчание.

Кельнер. Что именно?

Молчание.

Кельнер. Я не понял вас, мсье.

Равик. Принесите что-нибудь. Всё равно.

Кельнер. Рюмку перно?

Равик. Да.

Кельнер отходит.

Равик закуривает. На Хааке не смотрит.

Хааке, растянутой в двух руках салфеткой, медленно и жеманно вытирает губы, и всё время смотрит на Равика.

Кельнер ставит перед Равиком перно. Отходит к столику Хааке и убирает остатки лангуста.

Равик закуривает ещё сигарету.

Кельнер приносит Хааке поднос с сыром, на выбор. Хааке выбирает.

Кельнер с подносом проходит мимо Равика.

Равик. Вы не могли бы вынести мой перно на террасу? Там прохладней.

Кельнер. Как вам будет угодно, мсье.

Хааке внимательно прослушивает их разговор и только после этого, продолжает есть.

Равик неторопливо встаёт и переходит на террасу.

Через некоторое время кельнер приносит ему его перно.

Хааке всё время смотрит на Равика.

Равик пьёт перно.

Мадю. (подходит к Равику со спины) Равик!

Равик сильно вздрагивает и роняет рюмку.

Подбегает кельнер, подбирает и уносит осколки.

Мадю смотрит на Равика. Равик мимо Мадю.

Мадю. Равик, ты не узнаёшь меня?

Равик. (рассеянно) Да, да, конечно. (смотрит в сторону Хааке)

Кельнер подаёт Хааке кофе.

Равик. (глядя на Хааке) Жоан, как ты сюда попала?

Мадю. Странный вопрос.

Равик. Жоан, у меня здесь дело. Не могу сказать, какое именно, но ты мне здесь не нужна. Оставь меня, уходи!

Мадю. (присаживается и заслоняет от Равика Хааке) Я подожду. Хочу посмотреть, как выглядит эта женщина.

Равик. (передвигает свой стул так, чтобы видеть Хааке) Какая ещё женщина?

Хааке допивает кофе.

Мадю. Та самая, которую ты ждёшь.

Равик. Я не жду никакой женщины.

Мадю. Тогда что же?

Равик не отвечает. Он смотрит на Хааке, который допил кофе и ожидает кельнера.

Мадю. Ты будто не узнаёшь меня. Хочешь от меня отделаться. Чем-то взволнован. Понимаю, - всё это неспроста. Но всё равно, я увижу, кого ты ждёшь.

Хааке закуривает сигару.

Равик. Хорошо. Делай, что хочешь. Но, прошу тебя, сядь за другой столик.

Маду. (жёстко) Нет!

Равик. (смотрит на неё) Не жду я никакой женщины.

Маду иронически насвистывает.

Равик. А, если и жду, тебе-то какое дело, чёрт возьми! Крутишь, любовь со своим актёром, да ещё меня ревновать вздумала! Это же просто глупо!

Маду. (оглядывается) Она сидит с другим мужчиной?

Равик. Хорошо. Оставайся. Я посижу ещё немного, а потом встану и уйду. Ты проводишь меня до такси, но уеду я один.

Маду. К чему вся эта таинственность?

Равик. Здесь сидит человек. Я хочу проследить за ним и узнать, где он живёт.

Маду. Женщина?

Равик. Мужчина.

Подходит кельнер.

Равик. (Маду) Что ты будешь пить?

Маду. Кальвадос.

Равик. (кельнеру) Рюмку кальвадоса. И рюмку перно для меня.

Маду. А почему ты не пьёшь кальвадос?

Равик. Потому что я пью перно.

Кельнер отходит.

Маду. Ты даже не подозреваешь, как я тебя иногда ненавижу.

Равик. Что ж, бывает.

Маду. Как ты холоден, эгоистичен.

Равик. Жоан, всё это мы обсудим с тобой как-нибудь в другой раз.

Маду. Ты втянул меня во всю эту историю.

Равик. Знаю.

Маду. Ты! Только ты! Никогда ты меня не любил. Ты играл мною. Видел, что я люблю тебя, и пренебрегал моей любовью.

Равик. Это правда.

Маду. (вскакивает) Как ты сказал?

Равик. (не глядя на неё) Это правда. Но потом всё стало по-другому.

Маду. (садится) Да, потом, потом... Когда всё пошло шиворот-навыворот. Когда было уже слишком поздно. Ты виноват во всём!

Равик. (рассеянно) Знаю.

Маду. Не смей так разговаривать со мной! Ты даже не слушаешь, что я говорю.

Равик. (следит за Хааке) Нет, почему же? (смотрит на неё, безразлично, лишь бы что-то говорить) Ты поругалась со своим актёром?

Маду. Да.

Равик. Ничего, помириться.

Кельнер наливает Хааке ещё кофе.

Маду. Я могла бы и не говорить тебе этого. Могла бы сказать, что зашла сюда случайно. Но это не так. Я искала тебя. Я хочу уйти от него.

Равик. Ты не оригинально, поступаешь, как все женщины.

Маду. Я боюсь его. Он мне угрожает. Грозит застрелить меня.

Равик. Что? (смотрит на неё) Что такое?

Маду. Он грозит застрелить меня.

Равик. Кто грозит? Ах, вот оно что! Надеюсь, ты не принимаешь это всерьёз?

Маду. Он страшно вспылчив!

Равик. Ерунда! Тот, кто грозит убить, никогда не убьёт. И уж, во всяком случае, не сделает этого актёр. Зачем ты мне рассказываешь об этом? (смотрит на Хааке.)

Маду. Я хочу уйти от него. Хочу вернуться к тебе.

Хааке встаёт и направляется прочь.

Равик. (вскакивает) Подожди, подожди, не до тебя! (хочет пойти за Хааке)

Маду. (вцепляется в него) Нет!

Равик. (пытается высвободиться) Да подожди же, я сейчас!

Маду. Нет! Ты ещё пожалеешь об этом! (отталкивает его и убегает)

Равик оглядывается и собирается бежать за Хааке, но его задерживает кельнер.

Кельнер. Мсье, простите! Вы забыли заплатить!

Равик. Вот моя кредитка! Я сейчас вернусь.

Пока он объясняется с кельнером, подходит Хааке и садится за тот же столик, за которым сидели только что Маду и Равик.

Равик видит Хааке, стоит и смотрит на него.

Хааке. (говорит с сильным акцентом) Вы позволите? Больше нет свободных столиков.

Обмякший Равик не садится, а роняет своё тело обратно на стул.

Подходит кельнер и возвращает Равику кредитку.

Кельнер. Ваша кредитка, мсье.

Хааке. (Кельнеру) Коньяк. Финьшампань.

Кельнер. Сию минуту, мсье.

Равик. «Пари Суаре».

Кельнер уходит.

Хааке спокойно разглядывает Равика.

Равик смотрит в сторону.

Кельнер приносит коньяк для Хааке и газету для Равика.

Равик тут же разворачивает газету и заслоняется ею от Хааке.

Хааке. Прекрасный вечер!

Равик кивает.

Хааке. А у меня зоркий глаз, верно?

Равик. Возможно.

Хааке. Я заметил вас, когда вы ещё сидели в зале.

Равик кивает.

Хааке. (интригуя) Я сразу догадался, кто вы.

Равик опускает газету и смотрит на Хааке.

Хааке. (многозначительно) По шраму на лбу.

Молчание. Равик смотрит на Хааке. Хааке многозначительно смотрит в глаза Равику.

Хааке. Вы немец.

Равик молчит.

Хааке. А шрам от студенческой дуэли. Я угадал?

Равик. (откладывает газету, пристально смотрит на Хааке) В самую точку. (жестом подзывает кельнера) Ещё перно.

Хааке. А мне ещё коньку.

Кельнер кивает и отходит.

Хааке. Коньяк у них хорош. В остальном же... (смеётся дружелюбно) Вся Франция прогнила. Народ-рантье. Жаждут безопасности и спокойной жизни. Фактически они уже сейчас в наших руках.

Кельнер приносит коньяк и абсент.

Хааке. Вы живёте в Париже?

Равик. Да.

Хааке. Давно?

Равик. Всегда.

Хааке. И родились здесь?

Равик. Да.

Хааке. Но учились в Германии?

Равик. Да.

Хааке. Многие из наших лучших людей родились вне Германии. Всё дело в мировоззрении, не так ли?

Равик. Только в нём.

Хааке. (с симпатией) Между прочим, разрешите представиться. Фон Хааке. (наклоняется вперёд и щёлкает под столом каблуками)

Равик. (быстро) Хорн.

Хааке. Фон Хорн?

Равик. (сразу) Разумеется.

Хааке. Вы, должно быть, хорошо знаете Париж, не правда ли?

Равик. Более или менее.

Хааке. Вы понимаете, что меня не волнуют музеи?

Равик. Понимаю, что вы имеете в виду.

Хааке. У вас тут, надо полагать, есть, где поразвлечься?

Равик. Вы недавно в Париже?

Хааке. Раз в месяц приезжаю на два дня. Своего рода контроль. Говорят, в Париже есть совершенно потрясающие заведения. С ума можно сойти!

Равик. А вы разве не бывали ни в одном из таких местечек?

Хааке. Нет, не добрался. Следует соблюдать осторожность. Неверный шаг, и ты скомпрометирован.

Равик. Я знаю места, где вы можете этого не опасаться. Сегодня я как раз собирался немного рассеяться.

Хааке. Правда?

Равик. Я стремлюсь изведать всё, что возможно.

Хааке. А вот та шикарная женщина, с которой вы здесь разговаривали?

Равик. Ах, эта... Да, весьма.

Хааке. Киноактриса?

Равик. Да, что-то в этом роде.

Хааке. Хорошая знакомая?

Равик. Именно, так.

Хааке. А вы в ней заинтересованы?

Равик. Нисколько!

Хааке. Приятно было бы с ней познакомиться.

Равик. Это легко устроить.

Хааке. Если вы не против, я бы не прочь сегодня присоединиться к вам.

Равик. Я знаю один чудесный особняк, прямо в Булонском лесу. Там великосветские дамы ищут неожиданных встреч.

Хааке. Это заманчиво.

Равик. Предлагаю ещё по коньяку и...

Хааке. Это просто счастливая случайность, - наша встреча здесь. Просто счастливая случайность!

Равик. Счастливая случайность? Лично я считаю, что мне крупно повезло!

Хааке. Да! В таком случае, и мне повезло!

15. У входа в «Шехерезаду». Борис в ливрее.

Подходит Равик.

Равик. Ключи от автомобиля.

Борис берёт ключи и внимательно смотрит на Равика.

Равик. Всё кончено. Сегодня ночью. Не спрашивай ни о чём. Страшно хочу спать. Машина на улице Понселе. С ней всё в порядке. У меня вдруг ужасно разболелась голова. Сейчас ничего не могу рассказывать. Встретимся позже.(уходит)

Прожектор высвечивает вертикально стоящий белый помост. На нём разложена нацистская форма. Такое впечатление, что Хааке просто вынули из этой формы.

Светлеет. Встаёт солнце. Начинают петь птицы.

Борис смотрит на помост и принимается слегка подсвистывать птицам.

У него прекрасное настроение.

Он свистит и свистит, жизнерадостно, выдавая сложные озорные фигуры. И даже приплясывает.

16. Комната Равика. В ином ракурсе. Как бы развёрнута.

Кровать на дальнем плане.

На переднем плане – ванна.

Равик сидит в ванной и изо всех сил трёт своё тело мочалкой.

Звонит телефон.

Равик протягивает руку, берёт халат, вылезая из ванны, закутывается в него и идёт к телефону. Снимает трубку.

Голос Мадy. Равик...

Равик. Да.

Мадy. Приезжай. Приезжай сейчас же, Равик.

Равик. Не хочу.

Маду. Ты должен.

Равик. Нет. Оставь меня в покое. Я не один. Не приеду.

Маду. Помоги мне.

Равик. Ничем не могу тебе помочь.

Маду. Случилось несчастье... ты должен немедленно...

Равик. Жоан! Не ломай дешёвую комедию! Оставь меня в покое. Я больше никогда к тебе не приду. (вешает трубку)

Наливает стакан водки и выпивает.

Звонит телефон.

Равик не снимает трубку.

Ложится на кровать.

Телефон звонит.

Равик спокойно подходит к аппарату и рывком срывает со стены.

Телефон смолкает.

Равик снова ложится и закуривает.

Стук в дверь.

Равик. Отперто!

Входит молодой мужчина в смокинге.

Мужчина. Доктор Равик?

Равик встаёт и подходит к нему.

Равик. Что вам нужно?

Мужчина. Вы доктор Равик?

Равик. Вы из полиции? (рассматривает его)

Непохоже, что мужчина из полиции. Длинные пышные волосы, руки, унизанные крупными перстнями.

Молчание.

Мужчина. Если вы доктор Равик, то немедленно поезжайте к Жоан Маду.

Равик. Вот как?

Молчание.

Мужчина. С ней произошло несчастье.

Равик. Какое ещё там несчастье?

Мужчина. Она ранена.

Равик. Ранена?

Мужчина. Она умирает. Едемте! Она умирает. Я выстрелил в неё.

Равик. Что? Вы приехали в такси?

Мужчина. У меня своя машина.

Равик. (хватает брюки, рубашку, ботинки, бельё) Проклятие! Скорей! Оденусь в машине!

17. На белом, вертикально стоящем помосте – Маду. Закрыта простынёй.

Равик, Вебер и Эжени в зелёных халатах.

Мужчина стоит на коленях перед помостом.

Мужчина. Бэби, о, Бэби, я не хотел!

Эжени. (в пространство) И, конечно же, на коленях!

Вебер. Актёр...

Равик. (мужчине) Встаньте!

Мужчина послушно поднимается, машинально отряхивает брюки. Всклипывает.

Равик. Только без слёз!

Мужчина. Я этого не хотел, мсье! Клянусь вам, я не хотел в неё попасть, вовсе не хотел...

Случай, слепой несчастный случай!

Вебер. Актёр. Слова так и льются, почти ямбами.

Эжени. Пусть он уйдёт, а то меня вырвет!

Равик. (мужчине) Уйдите!

Мадю. (сонным голосом) Равик! Ты здесь, Равик?

Равик. Да. (подходит к ней)

Мадю. Ты сможешь мне, Равик?

Равик. (без всякой надежды) Да.

Мужчина. (кидается к ней) Бэби, тебе бо-бо?

Равик. Да убирайтесь вы, наконец!

Мужчина. (пытится от Равика и спрашивает Вебера) Она опасно ранена?

Вебер. Очень.

Равик. Я сейчас вышвырну вас!

Мужчина уходит.

Мадю. (неожиданно громко и отчётливо) Какой идиот! Разумеется, он этого не хотел. Где уж ему? Этому щенку? Играл под взрослого. (неожиданно коротко рассмеялась) Я и сама в это никогда не верила. Дразнила его!

Равик. Тебе вредно разговаривать.

Мадю. Да, дразнила. И вот что из этого вышло, Равик. Моя жизнь. Он не хотел попасть, но попал. И вот. Что со мной, Равик?

Молчание. Эжени подаёт Равику резиновые перчатки.

Мадю. Я не хочу, чтоб меня оперировали.

Равик. Посмотрим. Может быть, обойдёмся и без операции. А теперь, наркоз. Не бойся, тебе не будет больно.

Эжени загоразивает голову Мадю экраном и даёт наркоз.

Вебер. (Равику) Если хотите, я прооперирую, а вы ассистируйте.

Равик. Не надо. Я не смогу со стороны смотреть на это. Уж лучше самому. (глубоко вздыхает) Эжени! Нож!

Эжени подаёт нож.

По мере того, как разворачивается операция, всё вокруг словно бы превращается в бойню. Вёдра с ватой, пропитанной кровью, бинты и тампоны багрово-красного цвета.

Равик. Разорванная мышца. Тампоны!

Вебер ассистирует.

Равик. Осторожно. Идём дальше. Скальпель. Кусочек серебряной парчи. Нитки. Дальше. Пулевое отверстие. Дальше. Канал. Он ведёт... он ведёт... (со стоном выпрямляется) Посмотрите, Вебер! Седьмой позвонок!

Вебер. (склоняется над раной) Плохо дело!

Равик. Безнадёжно. Ничто уже не поможет. Оперировать бессмысленно.

Эжени. Ничего нельзя сделать?

Равик. Ничего. Всякое вмешательство только ускорит конец. Видите, где застряла пуля?

Эжени смотрит.

Равик. Её даже нельзя удалить.

Эжени возвращается за экран.

Эжени. (тревожно) Пульс прерывистый. Учащается. Сто тридцать.

Равик поспешно наполняет шприц.

Равик. Прекратить наркоз! Кармин! Быстро! (делает укол)

Вебер поспешно наполняет другой шприц и передаёт Равику. Равик делает второй укол.

Равик. (Эжени) Ну как, лучше?

Эжени. Без изменений!

Равик. Шприц с адреналином!

Вебер выполняет.

Равик. Кислородный аппарат!

Эжени подключает.

Равик. (в отчаянье) Надо сделать переливание крови! Но я не знаю, какая у неё группа.

Эжени. Кислородный аппарат заработал.

Ровное гудение кислородного аппарата.

Равик. Ну и что? Как пульс?

Эжени. Падает. Сто двадцать! Очень слабого наполнения.

Вебер. Жизнь возвращается. (подаёт Равику шприц)

Равик. (делает ещё укол) А теперь как? Лучше?

Эжени. То же самое.

Молчание. Ожидание.

Равик. А теперь?

Эжени. Лучше. Ровнее. Веки дрогнули.

Равик. (делает перевязку) Не важно. Она уже может просыпаться. Пульс?

Эжени. Ровный.

Вебер. Да. Ещё бы минута.

Равик. Не выключайте аппарат. Пусть ещё поработает. (Веберу) Вот проба крови. Надо сделать анализ. Где можно получить кровь?

Вебер. В американском госпитале.

Равик. Хорошо. Надо попытаться. Правда, это оттянет развязку ненадолго. Можно выключить, Эжени!

Гудение смолкает. Эжени убирает экран и приводит педалью помост в горизонтальное положение. Приводит всё вокруг в порядок.

Равик. Я останусь около неё.

Маду. Равик...

Равик. Да.

Маду. Ты оперировал меня?

Равик. Нет, Жоан. Операции не потребовалось. Мы только прочистили рану.

Маду. Ты останешься со мной?

Равик. Останусь. (Эжени) Принесите мне кофе!

Эжени. С булочками?

Равик. Нет. Только кофе.

Эжени выходит.

Равик отходит в сторону и курит.

Маду. Этот запах... Эфир?

Эжени подаёт Равику поднос с кофейником и чашкой. Равик ставит его на помост.

Эжени. (негромко) Сейчас окончательно проснётся и сразу почувствует боль..

Вебер. Она может прожить ещё несколько часов.

Равик. Или несколько дней. И боль всё будет усиливаться.

Вебер заполняет несколько шприцов.

Равик. И тогда никакие уколы уже не помогут. (подходит к Маду.)

Маду. Голова болит. (пытается повернуть голову) Никак не повернуть. Будто свинцом налита. Невыносимо.

Равик. (делает ей укол) Сейчас тебе будет легче.

Вебер и Эжени уходят.

Маду. Раньше не было так больно. Равик, я не хочу мучиться. Обещай мне, что я не буду страдать. Обещай мне!

Равик. Обещаю, Жоан. Тебе не будет больно. Почти совсем.

Маду. А я было собралась начать жить по-новому. Хорошо, что ты пришёл. Что стало бы со мной без тебя?

Молчание.

Маду. Равик, я не могу двинуть ногами... и руками. Я не хочу быть калекой, Равик.

Равик. Ничего страшного. Скоро пройдёт.

Маду. Зачем ты лжёшь, Равик? Если мне не осталось ничего, кроме боли, обещай!

Равик. Обещаю.

Маду. Когда станет слишком больно, дай мне достаточную дозу. Достаточную для того... Обещай мне!

Равик. Обещаю. (готовит шприц)

Маду. Ты вправе это сделать, Равик. Ведь без тебя я бы вообще уже не жила.

Равик. Не говори глупостей!

Маду. Нет. Помнишь, когда ты впервые встретил меня у Триумфальной арки, я не знала, куда податься. Я хотела наложить на себя руки. Этот последний год моей жизни подарил мне ты. Это твой подарок. (медленно поворачивается к нему) Почему я не осталась с тобой?

Равик. Виноват во всём я, Жоан.

Маду. Голова. Страшно болит голова. Свет. Слишком много света.

Равик гасит свет и садится возле Маду.

Маду. Как долго...

Равик. Ещё две-три минуты, и тебе станет легче.

Маду. Мне надо тебе многое сказать.

Равик. Потом, Жоан.

Маду. Потом не останется времени. Многое объяснить.

Равик. Я знаю всё, Жоан.

Маду. Знаешь?

Равик. Мне так кажется.

Маду. Только ты.

Равик. Да. Знаю.

Маду. А всё остальное – только суета.

Равик. Я знаю, Жоан.

Маду. Как странно... Человек, оказывается, может умереть, даже, когда любит. (тяжело дышит)

Равик наклоняется к её лицу.

Маду. Я нехорошо себя вела с тобой.

Равик. Ты моя жизнь.

Маду.(пытается поднять руки) Мои руки. Я никогда уже не смогу обнять тебя.

Равик. (осторожно обнимает её) Ты в моих объятиях. А я в твоих.

Маду. Держи меня!

Равик. Держу.

Маду. Люблю тебя.

Равик. Ты вернула мне жизнь, Жоан, ты вернула мне жизнь. Я был мертв, как камень. Ты пришла, и я снова ожил.

Маду. Ты любишь меня?

Равик. Жоан! Любовь – это не то слово. Оно слишком мало говорит. Всё это гораздо больше.

Маду. Я всегда была с тобой.

Равик. Ты всегда была со мной. Всегда была во мне. И ничто не могло этого изменить.

Маду. Поцелуй меня!

Равик целует её в губы.

Равик. Ты всегда была со мной, Жоан, всегда.

Маду. Без тебя я погибла.

Равик. Неправда! Это я без тебя был совсем погибшим человеком. В тебе был весь свет, вся сладость и вся горечь жизни. Ты мне вернула меня. Ты открыла мне не только себя, но и меня самого.

Молчание.

Маду. (кричит) Помоги! Помоги сейчас! Помоги!

Равик делает ей укол.

Смотрит на неё.

Закрывает ей глаза.

Равик снимает халат и уходит.

Постамент скрывается в затемнении.

17. Равик в пальто, шляпе и под зонтиком.

Мужчина. Вид у него растерзанный.

Мужчина. (хватает Равика за руки) Как она?

Равик. (не сразу соображает, кто перед ним) Умерла.

Мужчина. (роняет руки и окаменевают) Умерла?! (хватается за сердце и шатается)

Равик. Возьмите себя в руки. Вы не на сцене.

Мужчина. Можно мне на неё посмотреть?

Равик. Зачем?

Мужчина. Я должен увидеть её ещё раз! (прижимает руки к груди) Поймите же! Я должен. (рыдает)

Равик. (раздражённо) Послушайте! Убирайтесь-ка отсюда! Эта женщина умерла. И ничего тут не изменишь! В своих переживаниях разберётесь сами. Идите ко всем чертям! Вас приговорят к году тюрьмы или патетически оправдают, - какая разница? Пройдёт несколько лет, и вы будете хвастать этой историей! Набивать себе цену в глазах других женщин, домогаясь их милостей! Вон отсюда, идиот! (отталкивает его с дороги и идёт прочь)

Мужчина. (вслед ему) Бездарный лекаришка! Бесчувственная скотина! Паршивый бош!

18. Темнота. Только белоснежный корабль «Нормандия» сияет тысячью огнями у причала.

Равик, Морозов, Вебер и Эжени провожают Кэт.

Кэт, сильно исхудавшая, пальто на ней кажется огромным. У ног небольшой чемодан.

Моросит дождь.

Зонт только у Эжени, и все сосредоточились под этим зонтом.

Кэт. Я хотела бы остаться. Не знаю, почему мне так тяжело уезжать. Но посольство настаивает, чтобы все американцы покинули Францию. В Париже грустно. Париж затемнён.

Эжени. Париж – и затемнение! Чему удивляться, - война. Париж погрузился в темноту. Словно погас светоч мира.

Равик. (смотрит на Кэт) Всё лишилось смысла. Вы хотели бы остаться. (смотрит на корабль) А множеству эмигрантов по всей Европе, затравленным, замученным, ещё продолжающим спасаться бегством, этот корабль кажется подлинной землёй обетованной. И называется этот корабль-дворец не «Нормандией», а Избавлением, Бегством, Спасением. И кажется недостижимой мечтой. Отказ в визе для них, в сущности, смертный приговор. И это прекрасно, Кэт, что хоть вас пустили на этот ковчег, и вы спасётесь от потопа.

Вебер. Исход из Египта. Только дело обойдётся без Моисея.

Равик. Вам пора, Кэт.

Кэт. А что будет с вами, Равик? Что будет со всеми вами?

Борис. Равик станет русским эмигрантом. (Равику) Я раздобыл тебе удостоверение личности на Ивана Ключе.

Равик. Спасибо. Фальшивые документы в военное время опасная вещь. Слишком рискованно. Уж лучше никаких.

Эжени. Что же вы будете делать?

Равик. А вы, Эжени?

Эжени. Госпитали нужны во время войны ещё больше, чем в мирное время. Мне найдётся, чем заняться. Бедная Франция!

Вебер. Я пойду в ополчение.

Корабль сигналил.

Равик. Вам пора, Кэт.

Кэт. Уже?

Эжени. (обнимает Кэт) Берегите себя!

Кэт. На корабле есть врач. Сейчас пойду в бар и выпью несколько рюмок водки за вас всех! Спасибо всем!

Равик. Прощайте, Кэт!

Кэт. Нам ведь незачем лгать друг другу, не так ли?

Равик. Незачем, Кэт.

Кэт. Что с вами будет, Равик?

Равик. В Лоншане создаётся концентрационный лагерь...

Борис. Выходит, ты бежал из немецкого лагеря, чтобы попасть во французский?

Равик. Идите, Кэт!

Борис. (обнимает Кэт) Прощай, Катюша! Смешно в шестьдесят лет мечтать о любви! Смешно!

Кэт. А теперь я пойду. Поднимусь на палубу и помашу вам рукой. Подождите, пока «Нормандия» отчалит, и помашите мне в ответ.

Пошатываясь, Кэт медленно поднимается по трапу. Она машет всем рукой.
И все машут ей.

КОНЕЦ.